

елена ЛОГУНОВА

Красота спасет
мымр

Елена и Ирка

Елена Логунова

Красота спасет мир

«ЭКСМО»

2005

Логунова Е. И.

Красота спасет мымр / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2005 — (Елена и Ирка)

Каково это: после переезда в новую квартиру обнаружить, что в ней – ни много ни мало – по ночам тусуются толпы вампиров, вурдалаков и прочей нечисти? Тележурналист Елена, впрочем, поражена не столько самим этим сверхъестественным событием, а тем, что призраки воют и стонут точь-в-точь по сценарию, который сама же Елена недавно написала, желая подзаработать! Кто же это такой умный пугает хозяйку квартиры ею же сочиненным ужасиком? А самое неприятное в этой истории – со всеми, кто вхож в «проклятую» квартиру, происходят несчастья: одного сваливает инсульт, другой получает сотрясение мозга, а кое-кто и вообще отправляется прямиком на кладбище! Возмущенная Елена и ее боевая подруга Ирина решают поймать злодея. И даже загробные стоны вурдалаков, избравших квартиру журналистки местом ритуальных встреч, не остановят отважных женщин!..

© Логунова Е. И., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Вместо пролога	5
Еще раз вместо пролога	9
Глава 1	12
Ремонт с осложнением	12
Гимн металлокаркасу	17
Посиделки с летальным исходом	23
Порно-Пупс и все-все-все	26
Глава 2	35
Введение в драконоведение	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Логунова

Красота спасет мымр

Вместо пролога

Чудо в перьях

Мне всегда было интересно, кто придумал назвать мужчин сильной половиной рода человеческого? Мне хотелось бы видеть этого фантазера. Я бы пристально посмотрела ему в глаза и тихо, вкрадчиво спросила:

– Скажите, насколько велик ваш личный опыт общения с мужчинами?

Думаю, под небольшим нажимом мой собеседник признался бы, что он – инопланетянин, изучивший жизнь человеческого сообщества весьма поверхностно.

Бесспорно, мужчины способны на одномоментное физическое усилие, но они очень плохо выдерживают продолжительные нагрузки и некомфортные условия существования. Обыкновенная простуда повергает их в ужас, исторгая из спешно закутанного в одеяла, грелки и компрессы организма жалобные стоны и слезливые рассуждения на тему: а не пора ли уже звать нотариуса и писать завещание?.. Восьмичасовой рабочий день в уютном офисе изматывает мужчину так, что, придя домой, он прямо из прихожей плашмя рушится в направлении дивана, уже в падении спрашивая: «Дорогая, а что у нас сегодня на ужин?» И дорогая, прибежавшая с работы получасом раньше – с сумками в зубах и ребенком в охапке, – бежит к плите, готовит ужин, накрывает на стол, кормит семейство, а потом моет посуду, полы, измазавшегося кашей ребенка, стирает, убирает, вкручивает перегоревшие лампочки и вышивает крестиком по канве. Мужчина в это время из последних сил смотрит телевизор.

Примерно так беседовали мы с моей лучшей подругой, сидя на мягком диване, поедая вкусные пирожные и запивая их горячим шоколадом. Свежайшие пирожные прямо из кондитерской привез мой муж, а шоколад для нас сварил Иркин супруг. Поэтому мы были так добры и великодушны, что не стали озвучивать наше нелестное мнение о сильной половине рода человеческого в присутствии Коляна и Моржика.

– Женщина, в отличие от мужчины, никогда не сидит без дела! – разглагольствовала Ирка, с удовольствием отхлебывая из чашки. – Руки у нее всегда чем-нибудь заняты.

Действительно, Иркины руки в этот момент были заняты – и не чем-то, а последним пирожным, поэтому я согласно кивнула и поставила на столик пустую чашку. Таким образом, мои собственные верхние конечности как раз освободились, и я вольготно разбросала их по спинке дивана.

– Ой! Что это? – мою правую руку что-то чувствительно укололо. – Ирка, признавайся, у тебя в диване клопы?

– Ты обалдела? – обиделась подруга. – Какие клопы? Это ты на спицу напоролась!

– У тебя тут велосипед? – я вытянула шею, заглядывая за диван.

Упоминание о спицах в этом доме ассоциировалось у меня только с колесами. Просторный трехэтажный дом Ирки и Моржика набит всяческим колесным транспортом: в гараже стоят старенькая Иркина «шестерка» и новенький Моржилов «Пежо», в детской, обычно занятой моим собственным сынишкой, кучей громоздятся игрушечные машинки, а в сарае стоит пара садовых тачек.

– Это вязальные спицы, – гордо сказала подруга.

– Ты вяжешь?!

Если бы она призналась, что режет по дереву или собирает коллекцию бабочек, я бы изумилась меньше. Женское рукоделье, всяческое шитье, вязание, плетение и изготовление из подручных материалов одежды «от кутюр» – не Иркино призвание. Насколько я помню, все ее достижения на этом поприще до сих пор составляла одна только собачья попона, целиком выкроенная из большого полиэтиленового пакета.

– Да, я вяжу, – с большим достоинством подтвердила подруга. – Хочешь посмотреть?

Я не просто хотела посмотреть, я умирала от любопытства!

– Вот, – Ирка протянула мне нечто мягкое, розовое, жестоко пронзенное парой стальных спиц.

Я содрогнулась. Вытащив спицы, опасливо развернула розовый ком – и содрогнулась повторно.

– А... что это? – осторожно спросила я, отнюдь не желая обидеть чувствительную подругу.

– Сама не видишь? – Ирка заметно напряглась.

Я склонила голову к плечу и включила воображение. В моих руках болталось нечто, похожее на безголовую тушку кальмара.

– Розовый шерстяной комбинезон для маленького осьминога? – предположила я.

– С ума сошла?

Я переложила голову на другое плечо и прищурилась.

– Вязаный бюстгальтер для коровы?

– Нет! – Ирка возмущенно подпрыгнула на диване.

Я задумчиво посмотрела в окно. В саду работал Иркин супруг. При моральной поддержке Коляна, потягивающего пиво на лавочке под цветущим абрикосовым деревом, Моржик аккуратно втыкал в грядки рассаду болгарского перца.

– А, знаю! – я обрадовалась подсказке. – Ты вяжешь специальную систему поддержки для крупных плодов! В каждый из этих розовых аппендиксов поместится симпатичный перчик!

Ирка вытаращила на меня глаза. Я неуверенно улыбнулась. Подруга перевела взгляд на свою незаконченную работу, почесала в затылке и пробормотала:

– Гм... Я видела, что получается неважно, но не думала, что настолько плохо... Вообще-то я вязала перчатку.

– Для Гулливера?

В розовый шерстяной кошмар свободно можно было упаковать шестимесячного сенбернара с лапами и хвостом.

– Немного просчиталась с петлями, – призналась Ирка.

– А-а-а, – протянула я, не зная, что на это сказать и чем утешить расстроенную подругу. – Ириш, да ты не огорчайся! Этой штуке наверняка можно найти применение в хозяйстве.

– Какое, например?

Теперь уже я почесала в затылке.

– Ну-у... Можно набить это чем-нибудь мягким и сделать подушечку на табуретку.

– Подушечки обычно бывают круглые или квадратные, – напомнила Ирка. – А у меня тут пять отростков.

– А это будет такая особенная подушечка, авторская работа в стиле фэнтези! – не сдавалась я. – А-ля морская звезда!

– Но отростки разной величины! Какая же это морская звезда?

– Колченогая! – гаркнула я. – Это хромая морская звезда, инвалид океанских глубин!

Ирка открыла рот, но не нашла, что ответить, и через несколько секунд захлопнула челюсти с таким лязгом, словно это был стальной капкан. Попалась бы в него какая-нибудь морская звезда – живо стала бы инвалидом морских глубин!

На этом наша содержательная беседа закончилась. Ирка спрятала своё вязанье куда подальше, и мы не вспоминали о нем недели две, аккуратно до Первого мая. К этому празднику Ирка сделала моему сынишке незабываемый подарок.

– Вот, Масынька, это тебе! – подруга торжественно извлекла из шуршащего пакета большой сверток и вручила его ребенку.

– Ну-ка, ну-ка, что там такое? Что нам принесла тетя Ира? – подогревая интерес малыша, в два голоса запели мы с Коляном.

Мася, не церемонясь, разорвал цветную бумагу.

– Ой, мама дорогая! Тетя Ира принесла нам монстрика! – севшим голосом сказал Колян.

– Это не монстрик, это рукодельная игрушка в старорусском стиле! – обиделась Ирка.

– Что-то мне этот старорусский монстрик напоминает, – пробормотала я. – Ага! Ты все-таки нашла применение гулливерской перчатке! А что? Неплохо получилось!

Изобретательная Ирка набила несостоявшуюся перчатку ватой и наглухо ее зашила. Выше манжетки прищипандорила растрепанные перья оранжевых ниток, а ниже перетянула ленточкой – и получилась лохматая рыжеволосая голова с бантиком на шее. Правда, голова куклы отчетливо тяготела к квадрату, но это ее не портило. Ее вообще трудно было бы чем-то испортить! Во всяком случае, то обстоятельство, что глаза игрушки были сделаны из двух пуговиц разного цвета и размера, я даже не сразу заметила. У рыжей бестии был ярко-красный рот, широкими стежками протянувшийся во всю ширь физиономии, и уши из свернутых фунтиками фланелевых тряпочек. Все четыре конечности монстрика были разной длины, причем на руках были детские перчатки фабричного производства, а на ногах – младенческие пинетки.

Но все вышеперечисленное меркло в сравнении с еще одной потрясающей особенностью игрушки! У куклы был небольшой, но отчетливо выраженный мужской половой орган!

– Эт-то что? – слегка заикаясь, спросила я.

– Это был мизинец, – призналась Ирка. – Я не знала, что с ним делать. Сначала думала отрезать, но потом посмотрела по телевизору передачу, в которой говорили, что детям очень полезно иметь игрушки с конкретной половой принадлежностью, это их развивает. Между прочим, на Западе куклы с пенисами в большой цене.

– Охренительная кукла! – в полном восторге объявил Колян. – Можно, я возьму ее на работу? У нас в газете почти на каждом компьютере какая-нибудь мягкая игрушка болтается, так я сниму со своего монитора пошлого желтого медвежонка и посажу этого конкретного парня!

Я оглянулась на ребенка. Масынька держал чудище в вытянутых руках и нежно улыбался.

– Кукла! – сказал малыш, крепко прижав к груди игрушечного монстрика. – Хорошая кукла! Красивая!

– Вот, слышали? Красивая! Устами младенца глаголет истина! – обрадовалась Ирка.

Я пожала плечами.

– Коленька, а что у куклы красивое? – спросил сынишку Колян.

– Пися! – торжественно ответил Масынька.

Умиленная Ирка едва не пустила слезу.

– Мамоыька, кукла голенькая, дай кукле трусики! – озабоченно попросил малыш.

Я вынуждена была признать, что Ирка оказалась права: ее самодельный монстрик оказался нам полезен. С помощью новой игрушки ребенок быстрее и проще освоил процессы одевания-раздевания, а смотреть на то, как Мася с куклой на пару, как большие мальчишки, справляют малую нужду в унитаз, было одно загляденье!

Рыжего монстрика назвали Манюней, и он стал верным спутником нашего малыша. Масыня и Манюня вместе укладывались спать, вместе садились за стол, вместе смотрели мультики и даже вместе подстригались, так что лохматая голова куклы стала выглядеть поприлич-

нее. Правда, уезжая в гости к бабушке, сынишка забыл любимую куклу дома, зато каждый телефонный разговор со мной начинал с вопросов о Манюне. Я говорила, что кукла поживает прекрасно, и бессовестно врал: Манюня потерялся.

Утрата куклы совпала по времени с нашим переездом на новую квартиру. Этот эпический процесс, по масштабу и драматизму сопоставимый с историческим Исходом евреев из Египта, мы с Коляном пережили в середине мая. После чего мой муж укатил в командировку, оставив меня подсчитывать убытки от переезда и делать ремонт.

Еще раз вместо пролога

Скандал в благородном семействе

– Папаша, что это за ключ? – сердито спросила Деда Степу невестка Юлька, вечно озлобленная баба с голосом противоугонной сигнализации и конусообразной фигурой.

Юлька была живым опровержением известной пословицы: «В сорок пять баба ягодка опять». В свои без пяти пятьдесят невестка Деда Степы была не ягодкой, а фруктом. Если бы она вдруг получила роль в рекламе сока «Фруктовый сад», то наверняка изображала бы грушу, причем организаторы съемок могли бы сэкономить на костюме. У Юльки была маленькая голова на длинной тонкой шее, узкие плечи, откровенно толстая попа и ноги тумбами. В сочетании с желтым цветом лица это делало ее невероятно похожей на грушу позднеспелого сорта «Маньчжурская красавица». Юлькин муж, Андрей Степанович, так и называл супругу, пользуясь ее абсолютной безграмотностью по части садоводства.

Бзиком Маньчжурской Красавицы была чистота, которую она наводила в квартире совершенно фанатично. Единственным местом, где ей удавалось похозяйничать не так часто, как хотелось бы, была каморка тестя. Дед Степа в свои семьдесят с гаком был рослым стариканом с руками, похожими на грабли, и зычным голосом морского пирата. Он стойко оборонял рубежи своей комнаты от вторжения невестки с тряпкой и пылесосом, имея к тому сразу несколько уважительных причин. Во-первых, ему нравилось жить в привычном беспорядке. Во-вторых, приятно было лишний раз окоротить вредную бабу. В-третьих, после Юлькиных тщательных уборок старикан недосчитывался доброй половины своих алкогольных запасов. Последнее было особенно досадно, потому что Дед Степа не избежал возрастной болезни – склероза, и сам то и дело забывал, куда он припрятал очередную прикупленную с пенсии бутылочку.

– Ты где этот ключ взяла? – строго спросил Дед Степа, для острастки стукнув по столу водочной бутылкой, как Дед Мороз посохом.

Спасаясь от производимой невесткой тщательной зачистки его территории, он переместился в кухню.

– Это очень ценная вещь, – подкрепляя свои слова размеренным стуком, заявил дед. – Положь на место, дура!

– Что, затолкать обратно за подкладку старого драпового пальто? – ехидно спросила невестка. – Так я этот ваш древний лапсердак на выброс приготовила, уже и пуговицы спорола!

– Чушь ты спорола, Юлька! – нахмурился дед. – А ну, дай сюда!

– Да заберите, на что он мне нужен, металлолом ваш! – презрительно ответила Маньчжурская Красавица.

Она шваркнула ключ на стол перед стариком и ушла, взметнув юбкой.

– Что это за ключ, папа? – робко спросил своего сурового папашу Андрей Степанович, опасаясь услышать в ответ обычное в таких случаях: «Это не твое дело, щенок!»

Щенком Дед Степа называл отпрыска уже сорок восемь лет, и большую часть означенного срока это было напраслиной: щенок давно вырос, превратившись в довольно крупного пса. Правда, пес этот был откровенно трусоват и шкодлив, бойцовой породой в нем и не пахло. Называя мужа кобелем, Юлька имела в виду совсем другое.

– Ну, так от какого терема ключик, дедуся? Никак, ты тоже по бабам шастаешь, старый пень? – насмешливо спросил Деда Степу взрослый внук, тоже Степка.

Едва войдя в квартиру, он чутко уловил причину очередного внутрисемейного конфликта.

Андрей Степанович поморщился: слово «тоже» его откровенно компрометировало.

– Молчи, волчонок! – совсем не сердито окоротил парня дед.

Степан Андреевич откровенно любовался потомком. Степка был похож на дедушку в его лучшие годы гораздо больше, чем на папеньку с маменькой. Такой же обаятельный хитрован и разбойник!

Не дождавшись ответа, Степка заговорщически подмигнул старику и прошел мимо открытой двери кухни, помахивая плоской коробочкой с компьютерным диском. Через минуту из Степкиной комнаты слышались звуки пальбы, рев вертолетов и грохот взрывов. Эти шумы отчасти заглушили гневливое ворчание Юльки, впервые за последнюю пару лет дорвавшейся до дедова платяного шкафа. Яростно расшвыривая стариковы одежды по кучкам – что в стирку, что в починку, что на помойку, – Маньжурская Красавица на все корки честила мужскую составляющую семейства.

– Так что за ключ-то? – повторил дотошный до занудливости Андрей Степанович.

Оглянувшись на открытую дверь, он вороватым движением долил свою кружку с дымящимся чаем водкой из стоящей перед Дедом Степой чекушки. Старик презрительно усмехнулся, взял бутылку и наполнил свою стопку, вызываясь булькая.

– Ключ-то? – повторил он, поднимая стопку. – Ну, будем здоровы!

Водка утекла в луженую глотку старого выпивохи с таким звуком, который издает раковина, засасывая мыльную воду.

– Хороший это ключик, ценный. Дорогого стоит, – занюхав выпивку кусочком сыра, громко объявил дед.

– Точно, его можно сдать в пункт приема цветных металлов! – крикнул, не отрываясь от компьютерного побоища, молодой нахал Степка. – Граммов на триста потянет финтифлюшка!

– Сам ты финтифлюшка! – обиделся дед. – Это ключ к замку, который запирает сокровище!

– Нашу мамочку? – съязвил неугомонный Степка.

Андрей Степанович противно хихикнул.

– Настоящее сокровище! – возвысил голос Дед Степа. – Чисто клад!

После этого заявления стрельба прекратилась, словно виртуальные противники вдруг заключили перемирие. На пороге кухни возник явно заинтересованный Степка.

– Какое сокровище, дед? – недоверчиво спросил он.

– Вот такое! – старик нарисовал руками в воздухе нечто обширное, как аэростат.

Судя по этому широкому жесту, сокровище было очень большим или же очень ценным. Степка и Андрей Степанович переглянулись. В силу различия характеров они крайне редко выступали единым фронтом, но тут оба почувствовали необходимость объединиться. Дед Степа не имел обыкновения завираться, зато маялся склерозом и вполне мог утаить от семейства некую важную информацию.

– Колись, старец! Что за сокровище и где оно лежит? – прямолинейный Степка подсел к столу и сходу наполнил дедову стопку остатками водки.

Не столь решительный, но смысленный папенька наглеца вскочил с табуретки и зайчиком метнулся в гостиную, к мебелиной стенке, одна из закрывающихся полочек которой носила гордое звание бара.

– А ну, положи коньяк! – рявкнула бдительная Юлька, выпрыгивая из дедовой комнаты со щеткой в руке.

– Цыц! – замирая от собственной храбрости, высоким голосом истерично выкрикнул Андрей Степанович. – Молчи, баба! Так надо!

Маньжурская Красавица от удивления потеряла дар речи и только оторопело хлопала ресничками вслед расхрабравшемуся мужу. А тот не только уволок с собой коньяк, но и плотно прикрыл дверь в кухню и даже запер ее изнутри на шпингалет!

С трудом преодолевая провалы в памяти рассказчика и его растущее нежелание повествовать о делах давно минувших дней, Степка при молчаливом пособничестве Андрея Степановича с гестаповским натиском вытряхивал из деда ценную информацию.

Закончив допрос, пыточных дел мастера вышли на балкон покурить и там обменялись своими впечатлениями.

– По-моему, вся эта история с сокровищем – хрень собачья! – заявил грубый Степка.

– Бред воспаленного сознания склеротика-маразматика, – подтвердил Андрей Степанович.

И оба совершенно одинаково подумали про себя: «Золотая жила! Дураком буду, если не копну!»

Глава 1

Понедельник

Ремонт с осложнением

Квартира, которую мы купили, потенциально была весьма неплохой: уютные комнаты, высокие потолки, широкие коридоры, просторные кладовки и антресоли, такие вместительные, что в них можно было бы захоронить роту горных стрелков вместе с парой кубов снега. Мысль о массовых захоронениях пришла мне в голову, когда выяснилось, что под дощатым полом наших новых апартаментов – восемьдесят сантиметров пустоты!

– Доски лежат на лагах, лаги – на стальных швеллерах, швеллера на кирпичных колоннах, а колонны стоят прямо на фундаменте, – поведал мне плотник, которого я привела для консультации. – В кухне и в дальней комнате у вас полы, почитай, новые, лет восемь назад перестилались, а вот в прихожей, в коридоре и в гостиной – еще родные.

– Кому родные? – тупо переспросила я, замороженная упоминаниями неведомых мне швеллеров и лаг.

– Дому родные! – с удовольствием пояснил плотник. – Как положили их в одна тысяча сорок девятом году, так и лежат.

– В том-то и дело, что не так они лежат, – угрюмо возразила я. – Они трещат и проваливаются!

– Это они опустились на примыкании, – важно кивнул специалист по полам. – Поднимем!

– Это она засорилась, – сказали сантехники, обследовав страдающую запорами канализацию. – Перемонтируем!

– Это они зашлаковались и проржавели, – объявил водопроводчик, осмотрев трубы, мучимые хроническим недержанием. – Заменим!

– Это они сели, – поставил диагноз окантованным трещинами потолкам штукатур. – Заделаем!

Тоскливо подсчитав, сколько денег и времени уйдет на то, чтобы поднять, перемонтировать, заменить и заделать, я попросила у директора своей родной телекомпании экстренный отпуск и материальную помощь. Отпуск мне дали, а деньги – нет.

– Деньги – это не проблема, мы тебе дадим, сколько нужно, – утешила меня Ирка.

– Только я не смогу быстро отдать, – предупредила я, ожесточенно черкая в блокноте.

Под сакраментальным заголовком «Расходы на ремонт» в блокноте уже выстроилась целая башня строчек, завершающихся цифрами. Я уже оплатила новую сантехнику, уйму пластиковых труб и всяческих водопроводных приамбасов, газовую плиту, водонагреватель, цемент, песок и кафельную плитку. Все это добро пока лежало в кухне. В ванной, под полом которой предстояло смонтировать новые системы водопровода и канализации, дюжие парни-разнорабочие задешево взломали бетонную стяжку. Теперь санузел имел такой вид, будто там прошел атомный ледокол или взорвалась не менее как атомная бомба.

Всю мебель и вещи, сложив их в три этажа, я затолкала в одну комнату. Сама устроилась на детском диванчике, электрочайник, микроволновку и компьютер пристроила рядом на широком подоконнике, шестнадцатилитровую бутылку с питьевой водой поместила в кладовку, а сумку с сухим пайком засунула под диван.

– Переселяйся к нам! – предложила Ирка, заглянувшая посмотреть, как я живу в условиях, приближенных к боевым. – Гостевая комната всегда в твоём полном распоряжении, а компьютер я тебе свой дам.

Диван не позволял открыть дверь в комнату полностью, и моя крупногабаритная подруга вынуждена была осматривать мою захламленную нору с порога.

– Не могу я переселиться к вам, – с сожалением отказалась я. – Мне нужно быть тут и командовать ремонтом, иначе процесс затянется, а у меня всего неделя отпуска.

– Как знаешь, – вздохнула Ирка. – Но если тебе понадобится какая-нибудь помощь, ты только свистни!

Свистнуть подмогу пришлось уже на следующий день. Правда, экстренный вызов помощи не имел прямой связи с ремонтом. Подталкиваемый мною, этот процесс шел своим чередом и обещал вот-вот перейти из стадии разрушения в стадию созидания.

Обещания исходили, в первую очередь, из уст РЭПовского плотника Ивана Трофимовича, юркого мужичка лет пятидесяти. С общения с этим милейшим человеком началось утро моего первого отпускного дня.

Продрав глаза и наскоро глотнув чайку с печеньем, я побежала в РЭП, там нежно взяла Ивана Трофимовича за отвороты уютной плюшевой курточки в стиле Папы Карло и эротичным голосом удава Каа спросила: когда же мой дорогой плотник сольется в творческом экстазе с не менее дорогими мне новыми досками? Когда, о когда же начнется моя новая половая жизнь – в смысле, будут сделаны мои новые полы?

– Нынче и зачем, – бодро ответил мне вожделенный плотник. – Ты, Елена, пока доски купи, а мне давай ключ, я сниму пару старых досок и попробую поднять полы домкратом.

– Ладушки! – столь же бодро ответила я.

И немедленно побежала покупать затребованные доски, на ходу повторяя, чтобы не забыть, наказ плотника: «Купить три шестиметровых или шесть трехметровых сорокопятаков, а если будут только шестидесятки, то попросить пропустить их через станок». Для меня лично это звучало, как фраза на иностранном языке.

Ключ для Ивана Трофимовича, а также для сантехников-водопроводчиков, тоже обещавших приступить к работе сегодня, я оставила у соседки бабы Глаши. Я бы, честно говоря, и свой ключ с удовольствием где-нибудь оставляла, не таскала бы с собой. Ключик нам достался, можно сказать, антикварный, годков ему было не менее пятидесяти!

Ключом отпирался замок, который был врезан в дверь еще на стадии сдачи этого жилого объекта, а его я лично готова была причислить к памятникам старины. С тех пор ни замок, ни дверь не менялись. Они были, как сказал бы плотник Иван Трофимович, «родными» дому-сталинке. Насколько я поняла, у старушки, которая продала нам квартиру, не было ни желания, ни возможности менять в своем жилище что-либо, хотя бы дверной замок.

Сухонькая, как листок из гербария, старушка Зоя Алексеевна была инвалидом. По дому она передвигалась исключительно в кресле-каталке – этим, в частности, объяснялись отсутствие в квартире порожков и нестандартная ширина дверных проемов, с которых сняли наличники. Также для удобства бабушки были необычно низко опущены электрические розетки, выключатели и дверные ручки, но все эти нехитрые усовершенствования были сделаны еще в ту пору, когда вместе с Зоей Алексеевной проживала ее племянница Люда. Своих детей у старушки то ли вовсе не было, то ли они умерли еще в раннем детстве. Бабушка Зоя говорила еще что-то о том, что она трагически потеряла какую-то Марфушеньку, но мне было неловко расспрашивать. Все те три-четыре раза, когда мы встречались с Зоей Алексеевной по вопросам купли-продажи квартиры, старушка была печальна, и мне казалось, что ей достаточно самой малости, чтобы разразиться слезами.

Конечно, бабушке Зое было о чем плакать. Племянница Людмила, ухаживавшая за ней долгие годы, неожиданно скончалась, и прикованная к инвалидному креслу старушка осталась одна-одинешенька, без помощи и поддержки. Собственно, именно это и вынудило ее продать квартиру. Точнее говоря, не продать, а обменять на нашу однокомнатную с доплатой. Смысл

этого обмена Зоя Алексеевна объяснила очень просто. Она решила перебраться в так называемый пансионат «Теплый дом» – муниципальный приют для одиноких стариков.

Уж не знаю, насколько этот дом теплый, но там тоже существует привилегированный класс: это те старики, которые сдали принадлежащие им персональные квартиры в обмен на пожизненное проживание в приюте. Им администрация «Теплого дома» предоставляет не место в стариковском общежитии, а отдельные комнаты со всеми удобствами, вроде малогабаритных квартир.

– Там вполне уютно, прилично кормят, обслуживают, есть телевизор и телефон, приносят свежие газеты, рядом другие люди, и постоянно дежурит врач. Что еще нужно такой старой развалине, как я? – с печальной улыбкой сказала нам Зоя Алексеевна.

Правда, несмотря на все плюсы приютской жизни, старушка все-таки позаботилась о том, чтобы после переселения на все готовое в «Теплый дом» у нее остались и собственные средства: деньги, которые мы ей заплатили, компенсируя разницу в стоимости наших квартир, бабушка Зоя положила на счет в банке.

– Мало ли что! – мудро сказала она. – Я-то знаю, как быстро и ужасно может измениться к худшему жизнь, казавшаяся хорошо налаженной!

Я не стала спрашивать бабушку, какой такой печальный жизненный опыт научил ее столь похвальной предусмотрительности. У меня в тот момент хватало своих забот.

Перебравшись в новые апартаменты, мы с Коляном не стали менять ключ, потому что планировали сразу по окончании ремонта поставить новую стальную дверь. А пока ключ у нас был один-единственный, бывшая владелица квартиры передала мне его из рук в руки, смахнув слезу. Я тоже готова была расплакаться, ибо предвидела, что у слесаря возникнут проблемы с подборкой подходящей заготовки для изготовления дубликата нашего ключа. Эта полезная вещица была размером с флейту-пикколо и здорово смахивала на золотой ключик, каким его изображают иллюстраторы сказки про Буратино.

– Д-да, – озадаченно сказал слесарь, повертев в руках этот шедевр работы старых мастеров, принесенный ему Коляном. – Раритет!

Дубликат, однако, мы получили. К сожалению, провожая мужа в командировку, я не додумалась экспроприировать его ключ, поэтому пришлось и мне бежать к слесарю с просьбой сделать еще один дубликат. Мастер крикнул, взял с меня двойную цену, но заказ выполнил. Теперь я берегла свой золотой ключик как зеницу ока. Впрочем, и баба Глаша хранила мое золото так же надежно, как Форт Нокс.

Со своей пожилой соседкой я познакомилась в первый же день после переезда. Избежать знакомства было невозможно: баба Глаша оказалась поразительно общительна. У меня сложилось впечатление, что она лет сорок назад устроила у дверного глазка в прихожей наблюдательный пункт и с тех самых пор дни напролет присматривается и прислушивается к тому, что происходит в доме и окрест него, проясняя для себя обстановку периодическими короткими вылазками.

Едва я подхожу к своей двери – любопытная бабушка уж тут как тут с вопросами: «Как дела, Лена?», «Кто у тебя стучит, Лена?» и «Лена, что за мужик поволок на помойку кусок трубы?» И я вежливо отвечаю, что дела плохи, стучит электрик, меняющий проводку, а кривой кусок проржавевшей трубы поволок на помойку вредный дядька из Горгаза, настаивающий на приобретении мной какой-то загадочной «гофры», без которой, по его словам, немыслима правильная организация работы новой водонагревательной колонки. Баба Глаша внимательно меня слушает и иногда дает полезные советы, вроде: «Плиточнику Ваське денег вперед не давай, а не то он запьет и про работу забудет!»

– Давай приметы сантехников, – деловито сказала старушка, повесив мой ключ на гвоздик в прихожей. – Плотника-то я знаю.

Я уже настроилась бежать на лесоторговую базу, но в связи с просьбой соседки вынуждена была притормозить. Чтобы вспомнить, как выглядели мои сантехники, нужно было сосредоточиться. Самой яркой приметой ангажированных мной мастеров я назвала бы полумертвый автомобиль «Нива», причудливо декорированный разнообразным специфическим добром. С крыши машины свисала связка тонких белых труб, какие-то серые кривые колена высывались из окон, на заднем сиденье громоздились железки, а под лобовым стеклом висела гирлянда симпатичных желтеньких гаек.

– Приметы сантехников? – озадаченно повторила я. – Ну... Их двое. Зовут Сергей и Виталий. Виталий помоложе, а Сергей постарше. Виталий повыше, а Сергей пониже. Виталий с проплешиной...

– А Сергей – совсем лысый? – предположила старушка, продолжив логическую цепочку.

– Почему – лысый? Наоборот, с волосами, – я еще немного подумала. – А, баба Глаша! Я же им дала свою визитную карточку с телефонами, так пусть они ее вам покажут вместо пропуска!

Решив таким образом проблему идентификации личностей сантехников, я хотела бежать по делам, но тут в квартире за уже запертой дверью настойчиво запел телефон.

– Тебя, небось? – кивнула на дверь баба Глаша.

Я пожала плечами – мол, кого же еще! Признаться, я бы предпочла проигнорировать звонок, потому что уже настроилась на бурную деятельность и не хотела притормаживать. Но баба Глаша явно ждала, что я стремглав побегу к телефону, и я не посмела продемонстрировать свое пренебрежение к такому важному делу, как телефонный разговор.

– Да, алло, слушаю вас! – произнесла я деловитой скороговоркой – так, чтобы звонящий понял, что я очень занята, и не вздумал рассусоливать.

Он и не рассусоливал, прямо спросил:

– Квартиру продаете?

Я подумала, что этот бесконечно опоздавший покупатель звонит не мне, а бывшей хозяйке квартиры, и потому сказала:

– Уже продали.

– Кому? – спросил Опоздавший.

– Какая вам разница? Ну, мне продали, – ответила я, надеясь, что теперь надоеда отвяжется.

– А вы квартиру продаете? – тут же спросил он.

Я подумала, что наша беседа начинает напоминать односторонний разговор живого человека с диктофонной записью, пущенной по кругу.

– С чего бы мне ее продавать? Я ее только что купила, еще даже ремонт не закончила!

– Отлично! – обрадовался мой собеседник. – Покупаю без ремонта!

– Я не продаю без ремонта!

– Ну, так я с ремонтом куплю!

– Я вообще не продаю свою квартиру! – взбешенно зарычала я. – Я уже спланировала ремонт, купила кучу разных материалов и мысленно расставила мебель!

– Покупаю с мебелью! – мгновенно отреагировал на сказанное тип, которого я про себя уже окрестила идиотом.

Я глубоко вздохнула и не позволила себе нецензурно выразиться.

– Мебели еще нет, – терпеливо, по слогам, как настоящему слабоумному, попыталась объяснить я, но в ходе объяснения быстро озверела и опять сорвалась на крик: – И желания продать только что купленную квартиру у меня тоже нет! Я уже привыкла к ней! Я сроднилась с ней, как будто это часть меня самой! Как рука или нога! А я не торгую донорскими органами! Эта квартира мне дорога!

– Я дам дороже! – успел еще выкрикнуть мой собеседник, прежде чем я с размаху шмякнула трубку на рычаг.

Вот уж не думала, что на двухкомнатные квартиры в старом жилом фонде такой спрос!

В сердцах излишне громко хлопнув входной дверью, я побежала на троллейбусную остановку, на ходу вчерне прикидывая план своих дальнейших действий.

Ближайшая лесобаза нашлась всего в пяти кварталах от моего нового дома – адресок мне плотник подсказал. С учетом этого момента я наметила программу дальнейших действий: куплю доски, найду машину для доставки, привезу покупку домой, а потом побегу на Набережную. Там, за мостом, расположен открытый склад, где продают строительные материалы, в том числе – необходимый моему штукатуру алебастр.

За несколько дней я успела неплохо изучить топографию района на предмет расположения всяческих складов, баз и хозяйственных магазинов!

– Может, выпустить памятку для граждан, занятых ремонтом? – успокаиваясь, подумала я вслух. – Такой маленький календарик с картой района и указанием маршрута к полезным объектам?

Гимн металлокаркасу

Трясаясь в троллейбусе, влекущем меня в места широкого распространения досок, бруса и бревен, я от нечего делать подсчитала, сколько можно было бы заработать на «Памятке начинающему ремонтнику». Пожалуй, я смогла бы вернуть долг Ирке...

Вспомнив, какую сумму я должна подруге, я строго-настрого наказала себе крепко подумывать, где бы скоренько заработать денег, и тут мои размышления прервал телефонный звонок. Дребезжал мой мобильник.

– Да? – спросила я, от души надеясь, что это не очередной желающий купить мою квартиру.

– Мне нравится, как ты реагируешь на мой звонок! – забасила трубка веселым голосом моего оператора Вадика. – Я еще не успел тебе ничего предложить, а ты уже отвечаешь согласием!

– Это согласие в разумных пределах, – уточнила я. – Привет, Вадька! Чего тебе нужно?

– Это не мне, это тебе нужно, – ответил Вадик. – Халтурку возьмешь? Платят наличными.

– А что нужно делать? – спросила я, не спеша соглашаться.

Вадик – жизнерадостный молодой человек, отягощенный множеством знакомств. Активно помогая своим друзьям-приятелям, Вадик то и дело устраивает кому-то очередную халтурку. Причем этим словом называются разовые работы широчайшего диапазона. Лично мне Вадик частенько подбрасывает заказы на изготовление фильмов для хоум-видео, стихотворные «поздравлялки» с юбилеями и всяческие тексты. Хотя однажды с подачи приятеля-оператора я поработала Снегурочкой на корпоративной вечеринке и еще пару раз отказалась попробовать себя в роли тамады.

– Нужно написать текст для гимна, – сказал Вадик.

– Для гимна какой страны? – деловито уточнила я.

В Снегурочки я бы во второй раз не пошла, а гимн написать – это мне раз плюнуть! Хотя более или менее сносно я владею весьма немногими языками. В порядке стремительного убывания знаний: русский, английский, болгарский, польский... Вроде бы в соответствующих государствах с гимнами уже все в порядке? Даже в родном отечестве со словами главной государственной песни определились, хотя я, честно говоря, не помню, о чем теперь поется в нашем гимне.

– Да не для страны гимн, а для фирмы! – засмеялся Вадик. – Для предприятия, которое производит мебель на металлокаркасе! Ну, чего молчишь, как рыба об лед? Возьмешься за работу?

Я потрясенно молчала. Мебель на металлокаркасе! Действительно, вот тема, достойная гимна!

– Директора фирмы зовут Аполлон Иванович. Пиши номер телефона, – расценив мое молчание как знак согласия, распорядился Вадик. – Два-пять-пять, три-шесть-шесть, семь!

– Как-как? – я не успевала.

В нашем городе совсем недавно в одночасье поменяли все телефонные номера. Причем сделано это было бессистемно, к одним номерам просто добавили в начале двойку, а другие перекорректировали до неузнаваемости. Получилась сущая диверсия. На мой домашний номер, например, теперь то и дело попадают какие-то посторонние личности. То им вокзал нужен, то роддом, а я дергаюсь от звонков среди ночи! Думаю, этот телефонный вавилон спланировали какие-то коварные враги или же владельцы полиграфических предприятий, которым ситуация только на руку: ведь теперь весь деловой люд заново печатает себе визитки и рекламные материалы.

– Твое дело – слова написать, а музыку берет на себя Гошка Грохотулин, – сообщил мне под конец разговора Вадик.

Гоша Грохотулин, известный широким кругам радиослушателей как Игорь Раскатов, – это еще один мой давний приятель. Невероятно оптимистичная личность, даже на похоронах найдет повод улыбнуться и еще всех вокруг рассмешит! Если учесть, что я тоже хронически страдаю от переизбытка природной жизнерадостности, можно представить, какой неслабый гимн сляпаем мы на пару с Гошей! Кто не обрыдается, тот обхохочется!

Впрочем, вслух комментировать сообщенную мне Вадиком информацию я не стала. Записав телефончик директора конторы, жаждущего обрести «фирменный» гимн, я решила, что непременно позвоню этому мебельщику с манией величия сразу после того, как разделюсь с досками. Троллейбус подкатил к нужной мне остановке, и я устремилась по разбитому колесами проулку на призывный визг циркулярной пилы.

– А вот интересно, куда она ведет? – задумался сантехник Виталий, глядя на толстую канализационную трубу.

Труба, похожая на гигантскую змею, по фундаменту старого здания уползала наискось через весь дом.

– На запад, – хладнокровно отозвался сантехник Сергей, критически оглядывая только что смонтированную систему канализации.

Новенькие пластиковые трубы мышиного цвета предстояло еще залить бетоном, но эту часть работы сантехники пропускали, предполагая подключиться уже на этапе установки нового сантехоборудования.

– Проверять трубу будем или ну ее на фиг? – спросил Виталий напарника. – В принципе, можно оторвать парочку досок и залезть под пол, поглядеть, что там и как.

Сергей задумался. Вообще-то, хозяйка настаивала на том, чтобы мастера проверили состояние общей сливной трубы, опасно проложенной под полом квартиры...

– За дополнительную плату, – не дождавшись ответа, постановил Виталик и пошел в комнату.

Сергей потянулся за ним.

– Ну, старый линолеум все равно менять придется! – с этими словами Виталик ловко разрезал покрытие под плинтусом и откинул лоскут упомянутого старого линолеума, обнажая доски. – Оп-ля! Смотри-ка! Доски ломать не придется!

В углу комнаты обнаружился небольшой квадратный люк.

– Дверца! – обрадовался Виталик. – А ну, мы ее откроем!

Молчаливый Сергей подоспел с ломиком, Виталик взял гвоздодер, и заколоченный люк живо открыли.

– Ку-ку! – встав на четвереньки и свесив голову в проем, дурашливо крикнул Виталик.

В пустой квартире забубнило эхо.

– Не паясничай, – скривился старший сантехник.

– Фонарик дай! – попросил Виталик. – Ну, я пошел!

Любознательный юноша смело нырнул в подполье. Оставшемуся наверху было слышно, как его напарник ползет под досками. Перемещение Виталика выдавали громкий шорох и бодрое насвистывание на мотив «Не кочегары мы, не плотники».

– Ну, что там? – раздраженно спросил не кочегар и не плотник Сергей, у которого с утра негромко, но отчетливо ныл зуб.

Под полом что-то бухнуло, и доска под ногами Сергея содрогнулась, как будто хотела выпрыгнуть. Снизу донеслись приглушенные ругательства вперемежку с откровенно восторженными возгласами. Заинтересовавшись этим необычным сочетанием, Сергей опустился на корточки и заглянул в люк.

В подполье было темным-темно. Фонарик в руке Виталика светил в другую сторону.

– Эй, дитя подземелья, ты там как? – крикнул Сергей.

Невидимый в темноте Виталик зашумел, заворочался и неожиданно ослепил напарника светом фонарика.

– Тьфу, черт! – выругался Сергей.

Виталик подполз к люку, высунул наружу чумазую встрепанную голову и сказал:

– Слышь, Серый? Не поверишь! Я там клад нашел!

– Сколько с меня? – спросила я славного дядьку с лесобазы, открывая кошелек.

Добрый мужик напил для меня досок нужной толщины, а потом еще доставил и их, и меня на своем «Москвиче» с прицепом.

– Всего шестьсот пятьдесят, – застенчиво сказал дядька.

– Семьсот! – расщедрилась я, тронутая такой скромностью.

Хоть кто-то из тех, кто оказался причастен к процессу моего ремонта, не пытается обобрать меня до нитки!

Закрыв дверь за добрым человеком, я обошла брошенные в прихожей доски и ввинтилась в комнату.

– Привет! – весело помахал мне ручкой молодой, но уже слегка плешивый сантехник.

Я вспомнила, что его зовут Виталик.

– Привет, – кивнула я, делая строгое лицо. – Почему сидим? Почему не работаем?

– А мы уже! – отозвался сантехник Сергей. – Систему канализации собрали, трубу под полом проверили, щас передохнем и займемся водопроводом. Не бойсь, хозяйка, все будет в лучшем виде.

– Правда, канализацию уже сделали? – я просветлела лицом и побежала любоваться своими новыми трубами.

Трубы были красивые, чистенькие, похожие на детальки детского пластмассового конструктора. Я осталась очень довольна увиденным и тут же устыдилась того, что набросилась на притомившихся тружеников с несправедливыми упреками.

– Может, я сбегая в магазин и куплю вам чего-нибудь поесть-попить? – предложила я, вновь заглянув в комнату.

Сантехники, как бедные сиротки, сидели на полу, прямо на несвежем линолеуме, и курили. При этом у них был такой довольный вид, словно они не канализацию монтировали, а с известными топ-моделями занимались любовью!

– Нет, не беспокойтесь, нам ничего не нужно! – расслабленно махнул рукой с сигаретой Сергей.

– У нас уже все есть! – ухмыльнувшись, поддакнул ему Виталик.

– Ну, ладно, тогда я не буду вам мешать, – несколько озадаченная, я удалилась.

Тихо прикрыла входную дверь и тут же услышала:

– Лена, ну что у тебя там?

На пороге соседней квартиры возникла баба Глаша.

– Сантехники канализацию смонтировали, сливную трубу проверили, теперь будут делать водопровод, – отрапортовала я.

– Ну, пусть делают, – разрешила бабка.

Я вышла на крыльцо, с удовольствием вдохнула аромат цветущей яблони, полюбовалась бело-розовыми цветами и вспомнила, что должна еще купить алебастр. Или сначала съездить к амбициозным мебельщикам? Перспектива сочинять оду кроватям и тумбочкам меня не слишком вдохновляла, но деньги были нужны позарез. Вадик сказал, что заказчик платит сразу и наличными! Пожалуй, стоит позвонить этому Аполлону Ивановичу.

Имя и отчество мебельного директора меня откровенно смешили, но я отложила хихоньки-хахоньки до лучших времен. Осмеивать заказчика – короткий путь к финансовому краху.

– Алло, могу я услышать Аполлона Ивановича? – безупречно корректным тоном спросила я девушку, которая сняла трубку.

– Господина Синебородова? – уточнила барышня.

Боже, ну и ФИО у товарища, нарочно не придумаешь! С именем древнегреческого бога искусств и отчеством по дурачку из отечественного фольклора – он еще и Синебородов! Могу себе представить, какая нескучная работенка мне предстоит! Я поперхнулась смехом и, чтобы срочно избавиться от захлестывающего меня веселья, чувствительно треснула себя по голове трубкой мобильника.

– Не кладите трубочку, – по-своему расценила раздавшийся стук моя собеседница. – Я вас переключаю.

– Аполлон Иванович Синебородов, генеральный директор ООО «МетаКар», – важно произнес приятный баритон, откровенно смакуя каждое слово. – Слушаю вас.

– Лена Логунова, журналистка, – отозвалась я, намертво задавив порыв отрекомендоваться как-нибудь поэкзотичнее, в том же духе – типа Афродита Емельяновна Карабасова-Барабасова. – Здравствуйте, Аполлон Иванович, мне дал ваш телефонный номер Вадим Рябушкин, я по поводу текста для вашего... э... песенного произведения.

– По поводу нашей корпоративной песни? – обрадованно переспросил господин Синебородов. – Голубушка, Еленочка, я безмерно рад вашему звонку и жажду встречи!

– Я, в принципе, тоже жажду, – сказала я, мысленно добавив еще и слово «денег». – Если вы не возражаете, я готова подъехать к вам прямо сейчас. Где вы находитесь?

– У нас великолепный новый офис на Набережной, оригинальный интерьер, пятьдесят квадратов благоустроенной площади, мебелированной собственной продукцией! – поведал мне ликующий Аполлон свет Иванович. – Найти нас очень легко, мы расположены в первом этаже нового пятиэтажного здания на углу Набережной и Дорожной. Добро пожаловать!

– Буду через полчаса, – коротко ответила я.

Путь в «замок» Синебородова занял у меня всего двадцать минут, и все это время я терзалась подозрениями, что дела фирмы «МетаКар» не слишком хороши. Очень уж восторженная текстовка про новый офис смахивала на рекламное предложение купить расчудесное помещение со всеми потрохами! Я даже начала подумывать, не ошибся ли Вадик с определением жанра? Может, «МетаКару» не гимн нужен, а реквием?

Оказалось, я напрасно беспокоилась. ООО «МетаКар» процветало, и цветение это сопровождалось удушающим благоуханием дорогого парфюма. Аромат источал сам Аполлон Иванович – представительный мужчина лет пятидесяти, облаченный в деловой пиджак, отличающийся великолепным покроем и необычной для наших широт расцветкой в крупную красно-зеленую клетку. Увидев восседающего за необъятным столом крупно-клетчатого Аполлона Ивановича, я живо заинтересовалась нижней частью его костюма. Мне казалось, что это непременно должна быть шотландская юбка-килт. К сожалению, во время нашей непродолжительной беседы господин Синебородов не вставал с кресла, так что проверить свою догадку я не смогла. Зато утвердилась в предположении, что работенка мне предстоит та еще!

– Я расскажу вам, каким должен быть наш гимн, – пообещал Аполлон Иванович, остро прищуриваясь на украшающую стену его кабинета картину с водопадом.

Очевидно, упомянутый гимн слышался ему непосредственно в журчании водяных струй.

– Наш гимн должен быть торжественным и исполненным глубокого чувства, – сообщил Аполлон Иванович. – Он должен литься широко, свободно и неостановимо!

В этот момент за гипсокартонной стеной, скрывающей уборную, кто-то издал исполненный глубокого чувства вздох, спустил воду в унитазе, и она полилась широко, свободно и неостановимо.

– Принцип мне понятен, – сдержанно сказала я. – Скажите, а вы уже выбрали мелодию?

– Нашему совету директоров очень нравится песня из кинофильма «Семнадцать мгновений весны», – доверительно поведал Синебородов. – Будет замечательно, если именно на эту музыку вы напишете вдохновенный текст, где будут звучать слова «металлокаркас», «мебель» и «экологически чистое порошковое покрытие широкой цветовой гаммы».

Я проглотила неуместные комментарии и нарочито незэмоционально спросила:

– Что-нибудь вроде «Не думай о каркасе свысока»?

– Гениально! – вскричал экспрессивный Аполлон Иванович. – Голубушка, вы ухватили самую суть!

– Я ухвачу и все остальное, – пообещала я. – Главное – решить вопрос с моим авторским гонораром. Сто долларов – и я готова зарифмовать даже ваш прайс-лист и банковские реквизиты!

– Аванс возьмете? – директор с готовностью полез в карман за бумажником.

Я сразу прониклась симпатией к этому очаровательному человеку и поклялась, что рожу заказанное мне бессмертное произведение в кратчайшие сроки, буквально на днях! После чего мы с душкой Аполлоном Ивановичем расстались, весьма довольные друг другом. Господин Синебородов остался ласкать взглядом водопад с озвучкой из ватерклозета, а я понеслась на рынок строительных материалов за алебастром, на ходу подбирая рифмы к слову «металлокаркас».

– Беги на Новый рынок и сделай по-быстрому дубликат ключа, – дождавшись, пока хозяйка квартиры удалится, велел Виталику Сергей.

– Какого фиги? – не уловил мысли младший.

– А такого фиги, что мы с тобой нынче работу тут закончим, и ключ от квартиры придется отдать, – объяснил Сергей. – Как же мы потом придем за кладом?

Виталик широко улыбнулся. Мысль о том, что они придут за кладом и заберут его, ему понравилась. Ему бы еще больше понравилось, кабы клад можно было бы взять прямо сейчас, но Сергей объяснил, что средь бела дня этого лучше не делать. Если в два часа пополудни они деловито поволокут из чужой квартиры громоздкий сундук, у соседей могут возникнуть ненужные вопросы. Кроме того, достать сундук из подполья тоже будет непросто, это потребует определенного времени. Что, если хозяйка квартиры вдруг вернется домой и застукает их за этим делом?

– А если открыть коробочку прямо там? – Виталик топнул ногой по линолеуму, который напарники заботливо расправили, прикрыв люк.

– Чем? – резонно возразил Сергей.

Окованный металлом тяжеленный сундук закономерно наводил на мысли о спрятанных в нем сокровищах, а также о том, что завладеть ценностями будет непросто. Все имевшиеся у сантехников мало-мальски пригодные для взлома инструменты спасовали перед ржавым амбарным замком и обшитыми металлом досками. Чувствовалось, что содержимое захоронки было кому-то очень дорого. Виталик не сильно удивился бы, если бы в неприступном сундуке обнаружилась аккуратная горка пиратского золота, заботливо прикрытая черным флагом с черепом и костями.

– Беги на рынок, – повторил Сергей. – А я водопроводом займусь.

– Бегу, – послушно согласился Виталик, пуще прежнего обрадованный тем, что напарник сделает большую часть работы в одиночку.

Улыбаясь, как чеширский кот, плешивый сантехнический юноша выпорхнул из квартиры и помчался в слесарную мастерскую, на бегу послав воздушный поцелуй старухе, внимательно наблюдавшей за ним с площадки для сушки белья.

Посиделки с летальным исходом

В пятом часу я подошла к дому, пошатываясь под тяжестью кулька с алебастром и впервые в жизни искренне сочувствуя контрабандистам, таскающим туда-сюда мешки с другим белым порошком. Семь кило груза перекосили мою фигуру и напрочь лишили ее грации, а организм в целом – жизненных сил. Начиная подозревать, что производители приобретенного мной алебаstra не зря называли его звучным словосочетанием «Финишная гипсовая штукатурка», ибо мне через эту штукатурку вот-вот придет полный и окончательный финиш, я доползла до лавочки в палисаднике соседнего дома и упала на нее. Скамейка пошатнулась, и скособочившаяся на другом ее конце человеческая фигура кулем свалилась на траву.

– Ах, простите! – я спрыгнула с лавочки, заставив ее еще раз конвульсивно вздрогнуть. – Позвольте, я вам помогу!

Подскочив к упавшему, я взяла его за руку, и тут же поняла, что вряд ли смогу чем-нибудь помочь. Пергаментно-коричневая, в набрякших венах и старческих пигментных пятнах, рука лежащего передо мной человека была холодной как лед.

Я осторожно перевернула старика на спину, заглянула ему в лицо и ощутила сильный запах алкоголя.

– У-у, нажрался, старый дурак! – проходя мимо лавочки, злобно плюнула какая-то тетка.

– Он, кажется, умер, – растерянно сказала я.

– Допился, алкаш проклятый! – как мне показалось, с удовлетворением произнесла баба, даже не замедлив шаг.

Я огляделась в поисках помощи.

– Валечка, быстро иди к маме, мы уходим! – встретившись с моим вопросительным взглядом, поспешно скомандовала дочке мамаша, стоявшая у бортика детской песочницы.

Солидного вида дядечка с портфелем, проходя мимо, ускорил шаг. Паренек в наушниках плеера скользнул по мертвому старику равнодушным взглядом и отхлебнул из жестяной банки.

Та-ак, все ясно, придется мне разбираться самой... Тоскливо вздохнув, я вытащила из сумки сотовый и набрала давно осточертевший мне номер мобильного капитана Лазарчука.

– Серенький, у меня тут труп! – жалобно сказала я.

– Опять? – судя по голосу, Лазарчук не слишком удивился.

Я даже немного обиделась.

– Чей труп? – спросил капитан.

– Понятия не имею! Уж точно, не мой! – я не удержалась от язвительного замечания.

– Уже хорошо, – буркнул Лазарчук. – А где вы?

– Кто – мы? – не поняла я.

– Ну, вы! Ты и этот твой труп!

– Типун тебе на язык! Повторяю: труп не мой! А находимся мы в палисаднике у соседнего дома, – еще раз оглядевшись, ответила я. – То есть у того дома, который рядом с тем домом, в котором моя новая квартира. Кстати, ты же у нас еще не был.

– Ну, так ты нашла повод позвать меня в гости! – хмыкнул капитан. – Что ты за человек, Ленка, все у тебя не как у людей!

– Сказать адрес? – проглотив обидное замечание, кротко спросила я.

– Не надо, я знаю ваш новый адрес. Оставайся на месте, я сейчас к тебе Петю пришлю.

Я почувствовала некоторую досаду. Зазнался капитан, заважничал! Персонального присутствия ЧП с моим участием уже не достаивает, присылает вместо себя стажера! Похоже, участие в моих бесконечных приключениях окончательно потеряло для Сереги прелесть новизны. Впрочем, с Петей Беловым общаться гораздо приятнее, чем с Серегой. Петенька

– милый юноша, его добродушный открытый характер циничная профессия сыщика еще не испортила. К тому же Петя не станет пилить меня за то, что я опять влипла в какую-то историю.

Утешив себя этим соображением, я позвонила также в «Скорую помощь». Сделано это было на всякий случай: я ведь не медик, могла и ошибиться, диагностировав летальный исход! Вдруг пьяный дедушка вовсе не умер, а только впал в кому или уснул летаргическим сном? Тогда врачебная помощь окажется весьма кстати.

Однако я сильно сомневалась, что машина «Скорой» помчит по вызову в темпе, оправдывающем ее название, если я сообщу, что в экстренной помощи нуждается пьяный старик с окоченевшими руками, синеватыми кожными покровами и остекленевшими глазами. Поэтому я уклончиво сказала: «Тут дедушке очень плохо, похоже, сердце!» – и, игнорируя прочие вопросы сердитой диспетчерши, сообщила только адрес дома, в палисаднике которого обнаружила тело. Про палисадник тоже умолчала, и про лавочку ни слова не сказала, чтобы в «Скорой» не подумали, что их вызывают к бомжу. Старичок был одет бедно, но прилично, и не походил на бродяжку.

В ожидании приезда врачей и ментов я быстренько смоталась на ближайшую помойку, приволокла оттуда коробку из-под холодильника, кое-как разодрала ее и уложила неподвижного деда на чистую и сухую картонку. На тот случай, если ему еще не все равно, попыталась устроить старика поудобнее. Ворочала я его крайне осторожно, но все-таки потрянула карманы, и на картонку с мягким стуком выпал большой ключ.

– Зря стараешься! По-моему, ему воспаление легких уже не грозит! – заметил Петя Белов, возникший у лавочки в разгар моих трудов по наилучшему обустройству дедушкиного лежбища.

– Думаешь, он умер? – огорченно спросила я.

И совершенно машинально сунула чужой ключ в свой карман: уж очень он был похож на мой собственный Золотой Ключик! Чуть-чуть другого цвета, но на ощупь такой же.

Петя присел на корточки и внимательно осмотрел тело, не сделав попытки к нему прикоснуться.

– Конечно, он умер, – заверил меня стажер. – И не пять минут назад, а много раньше.

– И то хорошо, – ляпнула я.

Петя посмотрел на меня с удивлением.

– В смысле, хорошо, что он умер не пять минут назад, иначе я опять оказалась бы под подозрением в совершении убийства! Если, конечно, дедушка не сам скончался, – поспешно объяснила я. – По-моему, Лазарчук давно уже ждет возможности упечь меня за решетку.

– Он думает, что там ты ничего уже не натворишь, – кивнул Петя.

Я фыркнула. Тут же за моей спиной очень похоже фыркнул автомобильный мотор. Я оглянулась: по дорожке к подъезду деловито шагал мужик с докторским чемоданчиком, в небесно-голубом халате, надетом поверх спортивного костюма яркой расцветки. На ногах у эскулапа были роскошные спортивные кроссовки. Против воли я подумала, что в такой обуви доктор-сороход может бегать от пациента к пациенту быстрее, чем перемещается по городским улицам машина «Скорой».

– Это к нам? – быстро спросил меня Петя.

Я кивнула, и Белов призывно свистнул. Врач притормозил.

– Давай сюда! – скомандовал Петя. – Клиент здесь.

Кроссовки перемахнули через бордюр и переместились в палисадник. Спортивный доктор присел рядом с Петей. Я отошла на пару шагов, чтобы им не мешать.

– Так. Кто вызывал «Скорую»? – строго спросил врач через несколько секунд.

Петя оглянулся на меня, я притворилась бессловесным деревцем.

– Я вызывал, – добрый Петя показал медику свое удостоверение.

– Угу, – буркнул эскулап, начиная заполнять какой-то бланк.

- Я вам больше не нужна? – осторожно спросила я, выглядывая из-за сиреневого куста.
- Иди домой, после поговорим, – не оглядываясь, сказал Белов.

Как пушинку подхватив свой увесистый куль с алебастром, я проворно унеслась к своему дому.

– Помер, поди? – в подъезде, неотрывно глядя на группу в палисаднике, пряталась баба Глаша.

- Поди, помер, – отозвалась я, торопливо тыча ключом в замочную скважину. – Увы!

Дверь не открывалась. Я вытащила из замочной скважины непослушный ключ, посмотрела на него и поняла, что это не моя вещичка. Надо же, утащила с места происхождения предмет, который может оказаться какой-нибудь уликой или вещдоком! Хотя... Ну, велика важность – старый ключ!

Бежать обратно, отдавать чужой ключ Пете и объяснять, каким образом он попал из кармана покойного дедушки в мой собственный, я не хотела. Мне не терпелось оказаться дома и успокоить растрепанные нервы созерцанием приятных перемен, которые должны были произвестись в ванной мои трудолюбивые сантехники.

– И вовсе не увы, – пробубнила мне в спину баба Глаша, реагируя на мою последнюю реплику. – Ему давно пора было сдохнуть!

Я пропустила это бестактное замечание мимо ушей, открыла замок собственным бура-тинистым ключиком, вошла в квартиру и захлопнула за собой дверь.

Порно-Пупс и все-все-все

Ай! Одна моя нога провалилась в пустоту, и я больно стукнулась коленкой о какую-то железку, торчащую из стены ниже уровня пола. Мешок с алебастром с мягким «Пуф-ф!» шлепнулся на брошенные у другой стены коридора древние доски, угодив прямо на торчащий вверху кривой ржавый гвоздь. Белый порошок с тихим шорохом заструился на пол. Выругавшись, я выбралась из ловушки, устройство которой, вероятно, следовало отнести на совесть плотника. Дедок обещал, что снимет пару досок, и не обманул.

Перебравшись через баррикаду, я шустро сбегала в кухню, нашла там большой полиэтиленовый мешок и с помощью веника и совка собрала в него рассыпавшийся алебастр. Надеюсь, некоторое количество пыли и мелкого мусора не испортит качество строительного материала.

Потом я заглянула в ванную. Среди кирпичей и бетонных глыб разбитого пола белели, серели и чернели чистенькие трубы разного диаметра. В углу гордо высился новехонький унитаз, из стены торчал жутковатого вида старый смеситель, на длинную журавлиную шею которого была надета бумажка с надписью: «Поставили временно. Работает». Еще один белый листочек был наколот на аккуратный зелененький вентиль. «Перекрыт», – написано было на бумажке. На крышке унитаза обнаружилось еще одно лаконичное сообщение: «Не закреплен, но можно пользоваться». Сообразив, что добрые люди – сантехники не только завершили свою работу по реконструкции водопровода и канализации, но и позаботились оснастить меня элементарными удобствами и инструкциями по их пользованию, я искренне обрадовалась. Ремонт движется вперед! Можно уже звать бетонщика, чтобы он разобрался с руинами в клозете. Я побежала к телефону.

– Ут-тром буду как штык! Н-не сомневайсь! – слегка заплетающимся языком заверил меня бетонщик Василий, по совместительству являющийся также плиточником.

– Жду, – коротко сказала я, смекнув, что мастер подшофе, и кстати вспомнив, что всезнающая баба Глаша наказывала ни в коем случае не давать выпивохе Ваське аванс.

И очень хорошо, не буду никому ничего давать, у меня все равно сейчас нет свободных денег, только пятьдесят долларов от мебельного директора. Их, кстати, еще нужно отработать.

Напрочь позабыв обо всех неприятностях, я в наилучшем расположении духа проследовала в свою захламленную каморку. Уселась на диван, съела шоколадку и включила компьютер, твердо вознамерившись в ударном темпе сотворить обещанный Аполлону Ивановичу шедевр – новую песню «о главном», гимн металлокаркасу.

Первая строчка у меня уже была, и заказчик ее одобрил, так что мне было от чего плясать.

– Не думай о каркасе свысока! – напела я, с интересом вслушиваясь в звучание своего голоса под трехметровыми сводами пустой квартиры.

Затяжное эхо помешало мне придумать вторую строчку. Тогда я достала из кошелька полученную от Синемородова денежную купюру, любовно разгладила ее и, держа перед глазами, придумала продолжение:

– Настанет время, сам поймешь, наверное,
Что роль каркаса в жизни высока —
Он призван всю конструкцию поддерживать!

Дальше пошло как по писаному!

– У каждого каркаса свой изгиб! – вдохновенно распевала я, дирижируя пятидесятидолларовой бумажкой. – И колер порошкового покрытия!

Тут я почувствовала, что мне не хватает конкретной информации. Чем таким замечательным отличается мебель на воспеваемом мною металлокаркасе? На визитной карточке, которую

генеральный директор «МетаКара» торжественно вручил мне вместе с денежной купюрой, был указан сайт компании в Интернете. Я включила компьютер, залезла во Всемирную паутину, настучала поисковой системе адрес сайта дорогих моему карману мебельщиков и приготовилась немного подождать.

На визитке Аполлона Ивановича, в верхнем углу, сразу под логотипом фирмы, обнаружился слоган: «Положись на металлокаркас!». Этот емкий императив моментально меня вдохновил, и я торопливо записала новые строки:

– Положись на металлокаркас,
И тебя он поддержит не раз!
Положись на него, ложись!
Он дается тебе на всю жизнь!

Потом мне показалось, что фраза «Он дается тебе на всю жизнь» звучит несколько двусмысленно. Вроде бы больше, чем на один металлокаркас, за всю свою жизнь не заработаешь! Мне же хотелось всего лишь отметить прочность мебели на металлокаркасе.

– Может, лучше так: «Ты его не протрешь за всю жизнь»? – за неимением собеседника я обратилась к светящемуся монитору. – Не протрешь, не сомнешь, не согнешь...

Компьютер ответил мне своеобразно, выдав на экран пару баннеров. На одном была изображена девица, мирно почивающая в примитивном веревочном гамаке без всякого намека на металлокаркас. Изображение спящей красавицы периодически сменялось призывом воспользоваться услугами турагентства «Таити-дрим».

Второй баннер люминесцентно полыхал буквами, складывающимися в интригующий возглас: «Упс! Порно-Пупс!» А на обороте этого дегенеративного текста появлялась картинка, увидев которую я просто уронила челюсть.

На баннере красовалось изображение любимой куклы моего сынишки, рыжего монстрика Манюни! Голый, как в первый день сотворения его Ирккой, он исполнял несколько па раздольной русской плясовой. Манюня весело прыгал вприсядку, и это движение позволяло ему в лучшем виде продемонстрировать свое мужское достоинство.

– Упс! – вручну вернув челюсть на место, ошеломленно воскликнула я. – Порно-Пупс?!

Мое невероятное изумление быстро сменилось негодованием. Мысль о том, что какая-то сволочь украла у моего ребенка любимую игрушку, чтобы с ее помощью рекламировать порносайт, привела меня в состояние, близкое к бешенству.

Тут тугодум-компьютер наконец изволил выдать на экран картинки с сайта мебельщиков. Натуралистическое изображение лаково блестящей металлической ножки стула вызвало у меня горячее желание вооружиться такой вот удобно изогнутой стальной трубой и молотить ею похитителей Манюни, выколачивая из них любые эротические мысли и саму способность к плотским контактам. Уж я бы надавала этим гадам по эrogenным зонам!

Я чувствовала себя оскорбленной до глубины души! Дурашка Манюня, милая симпатичная кукла – в лапах мерзких торговцев порнографией! Не имея иной возможности выплеснуть свое возмущение, я схватила телефонную трубку и позвонила Ирке.

– Говори быстро, я очень занята, – не слишком дружелюбно отозвалась подруга.

– Ты говорила, что я могу в любой момент свистнуть на помощь! – напомнила я.

– Свисти быстрее, я очень занята, – повторила Ирка.

Я глубоко вздохнула и выдохнула воздух с обещанным свистом. Получилось, действительно, совсем даже не тихо! Закипающий электрочайник озадаченно и не без зависти заморгал красным глазом.

– Я нашла Манюню, – сообщила я подруге, которая была в курсе нашей пропажи.

– Правда?! – Ирка неподдельно обрадовалась. – Это отлично! Где он был? В каком-нибудь узле?

– Хуже, – мрачно сказала я. – Он не в узле, он в путах! Томится в плену в каком-то виртуальном борделе!

– Что-что? – Я услышала, как Ирка кому-то говорит: «Погодите, я сейчас не могу, начинайте без меня, я подойду позже». Потом голос подруги вновь зазвучал громко и отчетливо: – Я ничего не поняла, о каком борделе ты говоришь?

– О порносите в Интернете, – объяснила я. – Я увидела изображение Манюни на рекламном баннере.

– Ты серьезно?! – я услышала скрежет: наверное, озадаченная Ирка почесала в затылке телефонной трубкой. Или это у нее в черепашке мозги заворочались! – А это точно наш Манюня, ты не перепутала?

– Думаешь, его можно с кем-то перепутать?

Подруга немного помолчала, потом сказала не без гордости.

– Да, пожалуй, нельзя! А как наша игрушка попала в эти порнографические рудники?

– Почему я знаю? – огрызнулась я. – Должно быть, Манюню кто-то спер при переезде.

– Натуральный киднепинг, – пробормотала Ирка.

– Только выкупа никто не просит.

– Лучше бы попросили, мы бы заплатили и выкупили Манюню из рабства, – заметила Ирка. – Лен, так что мы будем делать?

Уверенность подруги в том, что мы не оставим на произвол судьбы нашего маленького кукольного друга, и ее безоговорочная готовность участвовать в мероприятиях по Манюнину спасению меня искренне порадовали. На душе потеплело, и я перестала сжимать телефонную трубку, как горло смертельного врага.

– Давай думать вместе, – пригласила я.

– Только не заочно, ладно? – попросила Ирка. – Ты дома сидишь? Оставайся на месте, я сейчас разберусь с делами в магазине, а потом заеду, заберу тебя к нам. Сядем спокойно, раскинем мозгами, что-нибудь обязательно придумаем. В первый раз, что ли?

– Боюсь, что и не в последний, – пробормотала я.

Зная, что Ирка – человек действия, обещала приехать быстро – значит, так и будет, я собралась к выходу и включила свет в прихожей, чтобы подруга, войдя в дом, не ухнула в яму имени дяденки-плотника. Чтобы не пропал зря кипяток в подоспевшем чайнике, сообразила себе кофе и даже плеснула в чашку немного спирта. Получилось далеко не так вкусно, как кофе с коньяком, но я проглотила мерзковатое на вкус пойло, как лекарство. Терапевтический эффект я почувствовала незамедлительно. Размягчились и мои коленки, и камень на сердце, щеки разругались, а глаза заблестели так, что Ирка при виде меня подозрительно прищурилась и спросила:

– Ты, никак, чего-то хряпнула?

– Кофе со спиртом, – честно призналась я, закрывая на ключ забитую вещами комнату.

К счастью, это помещение находилось за линией фронта широкомасштабных ремонтных работ.

– Кофе со спи-иртом? Это что-то новенькое, – заметила Ирка. – А откуда у тебя спирт?

– Это наследство от предыдущих владельцев квартиры: трехлитровый баллон со спиртом я обнаружила в кладовке.

– Ценная вещь! Спрячь подальше, чтобы не нашли работяги, – посоветовала умудренная жизненным опытом подруга.

– Куда спрятать? – озираясь, я остановилась посреди пустой комнаты. – Может, на антресоли?

Я взяла драгоценный баллон и полезла с ним на стремянку, приготовленную для штукатура. Зная, что некоторое количество спирта уже перекечевало из емкости в мой желудок, Ирка меня заботливо поддерживала под коленки. Я благополучно загрузила банку на антресоли и подвернувшейся под руку антикварной кочергой аккуратно задвинула ее подальше.

– Все, поехали, – сняв меня со стремянки, распорядилась подруга. – Манюня ждет помощи! Купим какой-нибудь быстрой еды, чтобы не заморачиваться с приготовлением ужина, и устроим военный совет. Надеюсь, ты запомнила адрес порносайта?

– И даже записала, – я потрясла перед носом подруги блокнотом.

– Помчались! – скомандовала Ирка.

И мы помчались.

Стажер Петя Белов, постучавший в мою дверь немного погодя, не дождался отклика и удалился восвояси, досадливо подумав, что капитан Лазарчук в чем-то прав: по мобильности, непредсказуемости и разрушительным последствиям ее активной деятельности Елена даст фору любому торнадо!

Саня Кубиков, слесарь из будки на Новом рынке, крутил в руках тяжелый ключ, морща лоб в глубоком раздумье. За неделю Саня сделал два дубликата этого самого ключа, и вот теперь ему заказали третий. Всякий раз с заказом приходил новый человек. Сначала это был высокий скуластый парень, похожий на голливудского актера Брэда Питта. Потом пришла нервная дамочка, которая вела бесконечные разговоры по мобильнику и имела такой вид, словно хотела бежать одновременно в четыре стороны. Третьим явился толстобрюхий мужик с вялыми губами и жирными пальцами, похожими на сардельки.

Кубиков был озадачен и заинтригован. Слесарному мастерству он обучался четверть века назад в детской исправительной колонии, в которую угодил после дерзкого налета на кондитерскую. Выйдя из колонии, Саня стал законопослушным гражданином. И вот теперь какой-то ключик всколыхнул в его душе придонные уголовно-авантюрные слои! Что это за дом такой, ключами от которого один за другим запасаются такие разные люди?

Обуреваемый нездоровым любопытством, слесарь на сей раз сделал не один дубликат, а сразу два – с тем, чтобы один отдать жирному заказчику, а второй положить себе в карман. В какой-то камерке находится дверца, которую открывает золотой ключик, Саня не знал, но что-то подсказывало ему, что за дубликатом придет кто-нибудь еще.

Внутренний голос не оплошал! Через день после сосископалого толстяка в будку слесаря, помахивая незабываемым ключиком, ворвался лысоватый вертлявый юноша с щербатой улыбкой и бегающими глазами. Кубиков молча принял заказ и изготовил дубликат номер четыре прямо в присутствии заказчика. Опытный слесарь уже настолько хорошо запомнил характерный рельеф бородки ключа, что мог копировать его даже не глядя.

Сделав работу и выпроводив довольного заказчика, Кубиков быстренько запер будку и поспешил вдогонку за парнем. Лысоватый шустроглазый живчик топал, не оглядываясь, так что следить за ним было одно удовольствие.

Вопрос с ужином мы решили гениально просто: купили четыре упаковки блинчиков с мясом, на манер паркета уложили замороженные до цементной твердости полуфабрикаты на противень, смазали яйцом, посыпали сыром и запекли в духовке. Получилось умопомрачительно вкусно! Я лично слопала четыре блина, Ирка – восемь, а Моржик «приговорил» вторую дюжину. При этом кушал Иркин супруг так жадно, что с него можно было писать иллюстрацию к известному стихотворению про ненасытного Робина-Бобина-Барабека. Чем занимался после своей впечатляющей трапезы этот персонаж английского фольклора, никому не известно, а Моржик, блаженно улыбаясь, уполз в гостиную на диван, завернулся в свежую газету и сладко задремал. Против обыкновения, Ирка не стала будить его с воплем: «Морж! Не спи на закате,

голова болеть будет!» Головы уже сейчас болели у нас с ней: мы переживали за судьбу куклы Манюни.

– Может, это не сам Манюня, а талантливая подделка под него? – предположила Ирка, вдоволь поглазев на баннер порносайта.

Мы переместились из кухни в кабинет и бок о бок устроились у компьютера.

– Знаешь, как копируют полотна гениальных мастеров? – мечтательно заведя глаза к потолку, продолжила Ирка. – Кто-то мог и в этом случае «закопировать» под гения.

– То есть под тебя? – уточнила я. – Это невозможно. За исключением клинических идиотов и тебя, моя дорогая, крайне немногие люди ошибаются, считая до двадцати, а в твоём рукоделии количество петель непредсказуемо меняется от ряда к ряду. Нет, это точно Манюня. Посмотри на его правый глаз! Это пуговица от моего пальто, я её знаю как облупленную!

– Она и есть облупленная, – проворчала Ирка. – С неё так затейливо слезла краска, что у Манюни образовалось косоглазие.

– Это придает ему особый шарм, – сказала я. – И позволяет мне со всей ответственностью заявить: на баннере изображен наш Манюня, и никто другой! Ты согласна?

– Ну, согласна.

– Тогда пойдем дальше, – объявила я, кликая мышкой.

– Куда?

– На порносайт, куда же ещё!

Ирка опасливо оглянулась в сторону гостиной, откуда неслышимо храп фаршированного блинами Моржика, подхватила с табурета и плотно прикрыла дверь в кабинет.

– Быстро иди сюда! – позвала я её. – Ты только посмотри на это порно!

– Оп-ля! – озадаченно сказала Ирка, поглядев на монитор. – Эротический театр Карабаса-Барабаса, доктора кукольных наук и ближайшего друга Тарабарского короля!

– Мечта психически больного Папы Карло! – кивнула я, завороченно глядя на экран. – Что в сравнении с этим нездорово длинноносый Буратино? Так, легкий намек на эротику!

Создатели сайта «Порно-Пупс», очевидно, отличались как буйной фантазией, так и неизжитой инфантильностью. Героями своей порнухи они сделали кукол, пупсов и разнообразную игрушечную живность, созданную руками трудолюбивых китайских мастеров!

Картины сексуальной жизни марионеток и плюшевых медведей потрясли воображение. Режиссеры игрушечного порно складывали из разноцветных зверюшек сложные эротические комбинации в стиле «лего». Эти объемно-пространственные конструкции насчитывали до десяти элементов! Меня особенно впечатлила групповуха с участием придурковато улыбающегося Винни-Пуха, Барби в черном кожаном белье, трех керамических слоников и классического резинового ежика с дырочкой в правом боку. Уж не буду говорить, каким образом было задействовано это функциональное отверстие. Говорящая немецкая кукла комментировала происходящее репликами «Цигель, цигель, ай-люлю!» и «Даст ист фантастиш!», а во всех смыслах стойкий оловянный солдатик, принимающий участие в доброй половине сексуальных битв, подбадривал себя песней: «Дойчен зольдатен унд официрен ниht капитулирен, ниht капитулирен!» И действительно, с капитуляцией у него никак не складывалось. Пластмассовый Паровозик-из-Ромашкино обалдело тарасил глаза, а мягкотелый длинноухий зайчик вытворял такое, что и не снилось кролику, который является эмблемой журнала «Плейбой»!

А в какой оригинальной игре задействовали затейники семейство палехских матрешек!

– Теперь я вижу, что была на редкость скучным ребенком, – сглотив слюну, призналась Ирка. – За все свои детские годы я не смогла придумать ничего более эротичного, чем традиционная игра в доктора!

– Помню, в старшей группе детского сада мальчишки складывали кукол «бутербродом», – поддакнула я. – Некоторое время тому назад это казалось мне несколько неприличным.

Мы помолчали, осмысливая собственные серость и косность. Потом Ирка звонко побарабанила ногтями по подлокотнику и спросила:

– Ну? Что будем делать? Ленка, не молчи, я тебя спрашиваю!

– погоди спрашивать, не видишь – я думаю!

Оттолкнувшись ногами от тумбы стола, я отъехала в своем кресле на колесиках к дивану и перевалилась на подушки.

– Думать нужно обязательно лежать? – не отставала Ирка.

– Так меня ничто не отвлекает! – ответила я, устремляя взор в потолок.

Это был своеобразный способ расслабиться, позаимствованный мною у одной из подруг моей мамы. Сия достойная женщина на протяжении дня периодически укладывалась на диван и несколько минут лежала, не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг нее. В кухне горели на сковороде котлеты, в ванной эпилептически тряслась старая стиральная машина, в комнате муж смотрел шумный футбольный матч, бегали по тропе войны переодетые индейцами дети, щенилась собака... Мамина подруга лежала на диване и с улыбкой Джон Конды смотрела в потолок – такой чистый, белый, пустой! Она утверждала, что это ее дивно успокаивает и помогает аккумулировать силы для нового сражения с окружающим хаосом – котлетами, стиралкой, мужем, детьми, собакой и новорожденными щенками.

– Чему ты радуешься? – Ирку моя тихая улыбка явно раздражала.

Не ответив, я улыбнулась еще шире. Одновременно с дополнительными зубами в моей улыбке прорезалось некоторое коварство.

– Ирка, признавайся, ты сейчас что-нибудь вяжешь? – спросила я, лаская взглядом обнаруженную под потолком паутинку.

– Ну?

– Что – ну? В смысле, что ты вяжешь?

– Ты хочешь посмотреть? – Ирка стеснительно ковырнула носком паркет и покраснела. – Я могу показать.

– Тащи!

Подруга выдвинула нижний ящик стола и потянула из него какое-то рукоделие. Оно оказалось бесконечным, как рыбацкая сеть.

– В третий раз забросил он невод – пришел невод с одной рыбкой! – кстати процитировала я. – Ирка, рыбка ты моя золотая, что это такое?

Продолжая тему рыбалки, Ирка высоко подняла полосатую кишку, похожую на угря-мутанта. Кишка едва-едва коснулась пола.

– Это чулок, – немного неуверенно ответила подруга. – Точнее, шерстяная гетра. Или гетр?

– Гетро! – хихикнула я.

– Это я для тебя вяжу, в подарок, – смущенно призналась подруга.

Я тут же перестала смеяться.

– Ируся, ты мне льстишь! У меня, конечно, довольно длинные ноги, но не настолько же!

– Видимо, я опять просчиталась с петлями и рядами, – вздохнула Ирка. – Придется все распустить.

– Ни в коем случае! – я слетела с дивана и в последний момент удержала подругу за руку. – Распускать такое высокохудожественное вязание было бы вандализмом! К тому же твоё метровое гетро – это именно то, что нам сейчас нужно!

– У тебя ноги замерзли? – не поняла Ирка.

– У меня мозги освежились! Я придумала, как найти организаторов порносайта!

Пробежавшись по комнате, я подобрала раскатившиеся клубки шерсти и принесла их Ирке:

– Бери спицы и вяжи дальше!

– Как вязать? – не поняла подруга.

– Так же, как вязала до сих пор! Идиотски и вдохновенно! – Я сунула в руку мастерице выпавшую из рукоделия спицу. – Нужно связать еще примерно двадцать сантиметров этой кишки. Нитки менять не надо, используй только красную шерсть.

– Слушай, ты ведь умеешь вязать! – напряглась подруга. – Может, сама и закончишь?

– Ни-ни! – я замахала руками. – Я умею вязать, но не так! Боюсь испортить твой шедевр, уж лучше ты сама!

– Ничего не понимаю! – честно призналась подруга, однако послушно опустила в кресло и заработала спицами.

Минут пять я любовалась тем, как она сражается с нитками, а потом решила не терять времени даром и в ожидании завершения работы над произведением вязального искусства закончить собственный шедевр – гимн компании «МетаКар». Я вновь переместилась к компьютеру, открыла в Ворде чистый лист, и следующий час мы с Ирккой провели в молчании. Потом я оторвала руки от клавиатуры, потеряла их, перечитала все написанное и захохотала, как сытый упырь.

– Ты чего? – Ирка, не ожидавшая этого приступа кладбищенского веселья, испуганно вздрогнула и потеряла петлю.

– Хочешь, песенку спою? – предложила я.

– Колыбельную? – уточнила Ирка, покосившись на темное окно.

– Наоборот! Под эту песню будут не ложиться, а вставать! Это гимн, – гордо поведала я.

– Какой гимн?

– Честно говоря, дурацкий! – призналась я. – Но заказчику он должен понравиться.

– Заказчик у нас, стало быть, дурак? – поинтересовалась Ирка.

– А по совместительству – директор фирмы, производящей мебель на металлокаркасе.

Так я пою?

– Давай, – Ирка кивнула, и я завела на мотив незабываемого хита из «Семнадцати мгновений весны»:

Не думай о каркасе свысока!
Наступит время, сам поймешь, наверное,
Что роль каркаса в жизни велика:
Он призван всю конструкцию поддерживать!

– Зашибись! – вставила Ирка.

– Припев еще лучше, – пообещала я. – Слушай!

У каждого каркаса свой изгиб:
Дуга, виток, труба многоколенная!
За крепость табуретовой ноги
Ручаемся мы собственными членами!

– Вижу, полностью абстрагироваться от порнографии тебе не удалось, – заметила Ирка.

– Не мешай, у меня еще куплет! Вот:

Широк, как море, наш диапазон
Расцветки порошкового покрытия!
У каждого клиента есть резон,
Чтоб заказать нам мебель и купить ее!
И ты, заказчик новый, к нам грядешь!

Среди зимы иль под капли вешние!
Ведь ты порой почти полжизни ждешь,
Когда она придет, твоя столешница!

– Там, пам, пам, па-па-па-пам, пам, пам! – я закончила песню и перевела взгляд с текста на подругу.

Ирка плакала.

– Ты так растрогана? – приятно удивилась я.

Подруга всхлипнула и сползла на пол. Присмотревшись, я поняла, что она рыдает от смеха.

– Что тут за вечерний концерт? – открыв дверь, в комнату заглянул помятый спросонья Моржик.

– Не обращай внимания, мы упражняемся в искусствах, – ответила я. – Я сочиняю и пою песни, а Ирка оспаривает лавры вологодских кружевниц и оренбургских вязальщиц.

– Ой! Что это?! – увидев новое рукоделие супруги, Моржик заметно напрягся. Наверное, подумал, что ему придется это носить.

– Сама не знаю, – отсмеявшись, призналась Ирка, протягивая мне законченное вязанье. – Это именно то, что ты хотела?

– Оно самое! – обрадовалась я, хватая полосатую кишку. – Моржик, у тебя в закромах не найдется куска двухжильного электрического провода? А ты, Ирка, найди какие-нибудь поролоновые обрезки, ножницы, иголку с ниткой и две большие пуговицы.

Все затребованное заинтригованные хозяева дома приволокли мне буквально через пару минут.

– Этот коврик вам не нужен, я могу его резать? – уточнила я, помахав розовым поролоновым лоскутом.

– Режь, – кивнула Ирка.

Моржик промолчал, но придвинулся ближе. Заинтересованно сопя, хозяева наблюдали за моими действиями.

– Обалденная зверюга! – восторженно выдохнул Моржик минут через пять. – А кто это?

Я с удовольствием повертела в руках результат нашего коллективного творчества. Длинный чулок превратился в мягкую полосатую змею с глубокой красной глоткой и оловянными глазами. Лично мне эта рептилия здорово напоминала фантастического Червя из романа Фрэнка Герберта «Дюна», только у нашего суперчервяка был еще раздвоенный на конце язык, сделанный из провода.

– Похоже на дикую помесь мурены и удава, – заметила Ирка.

– Мурдав! – подытожил Моржик.

Он окрестил наше рукотворное чудище и на том успокоился: отправился к телевизору смотреть какой-то американский ужастик. Полагаю, после нашего монстра-мурдава голливудские кошмары были ему не страшны.

– Так. И что мы будем с этим делать? – дождавшись, пока Моржик удалится, спросила Ирка, наматывая мурдава на шею на манер боа.

– С мурдавом-то? Мы будем его продавать, – сказала я, вновь придвигая кресло к компьютеру. – Причем не кому попало продавать, а владельцам сайта «Порно-Пупс»! Сейчас напишем заманчивое объявление, разместим его в Интернете,ждемся откликов и вычислим этих порнодеятелей. Узнаем, кто они, где прячут своих игрушечных сексуальных рабов, найдем Манюню и выкрадем его!

– Гениальный план! – совершенно искренне похвалила Ирка.

– У меня все гениальное, – уверенно заявила я.

– Например, подруга! – так же убежденно сказала Ирка.

Мы переглянулись, в высшей степени довольные друг другом.

– Ты пиши, пиши! – первой спохватилась Ирка. – Мы пока только начали реализацию нашего гениального плана! Не завали следующий этап!

– Не бойсь! – сквозь зубы процедила я, в хорошем темпе отстукивая на клавиатуре текст. – Вот, слушай: «Продается оригинальная мягкая игрушка авторской работы – Змеевидный Дракон. Длина один метр, глубина глотки пятнадцать сантиметров, диаметр десять сантиметров, твердый язык, расцветка «фэнтези».

– Похоже, тебе уже доводилось сочинять рекламные тексты для интим-салонов? – спросила Ирка.

– Эротично, не правда ли?

– Особенно про глубину глотки и твердый язык, – согласилась Ирка.

– Наш мурдав просто создан для того, чтобы стать порнозвездой! – заключила я. – Все, размещаем это объявление на форуме, оставляем для связи электронный адрес и ждем. Я уверена, мерзавцы клюнут!

– Чей адрес даем, твой или мой? – спросила Ирка.

– Твой, – не раздумывая, сказала я. – Мою электронку знает куча народу, а если похититель Манюни знаком со мной, то он не вступит с нами в переговоры, побоится.

– Конечно, он знаком с тобой, – кивнула Ирка. – Кто мог спереть Манюнечку? Только тот, кто вхож к тебе в дом.

– Или грузчики при переезде, или вообще случайный прохожий, увидевший у подъезда приготовленную к отправке коробку с детскими игрушками, – не согласилась я. – Но рисковать мы все-таки не будем и укажем не мой, а твой электронный адрес.

На том и порешили. Разместили объявление-наживку на интернетовском форуме, выпили чаю с медом и разошлись спать.

Глава 2

Вторник

Введение в драконоведение

Хотя в доме подруги у меня была своя комната, спать я легла не в ней, устроилась на диване в кабинете – поближе к компьютеру. Утром я первым делом залезла в Интернет, пошарила в Иркином почтовом ящике, ничего нового там не обнаружила и немного расстроилась. Мне так хотелось поскорее напасть на след Манюниных эксплуататоров!

– Не огорчайся, я запишу тебе пароль, и ты из своего дома будешь время от времени заглядывать в мой ящик, – в утешенье мне сказала Ирка. – И я тоже сяду в офисе поближе к компьютеру. Как только придет сообщение – начнем действовать!

Пришлось мне возвращаться к более прозаичным вопросам. Ими меня в изобилии снабжал мой ремонт.

– Хорошо, что ты пришла, хозяйка, – с легким укором сказал мне плиточник-бетонщик Вася, удивительным образом материализовавшийся под моей дверью точь-в-точь в назначенное время.

Домой меня из Пионерского микрорайона подбросила на своей «шестерке» Ирка, но я все-таки немного опоздала. Вася успел надымить в подъезде вонючей сигаркой.

– Я же говорила, что запасной ключ есть у соседки, – слегка задыхаясь, сказала я.

– У этой старой ведьмы? – Вася кивнул на дверь, за которой тут же что-то шумно упало: подозреваю, это не справилась с взрывом негодования обиженная баба Глаша. – Да она же мне ключ нипочем не даст! Она же меня на дух не переносит!

Я тоже с трудом переносила близость благоухающего перегаром и табаком Василия, поэтому поспешила открыть дверь квартиры своим ключом, пропустила мастера вперед и помахала руками перед лицом, разгоняя ароматы, источаемые плиточником-бетонщиком.

Вася, гулко бухая сапогами, протопал в кухню, где принялся ворочать громоздкие предметы, нелестно отзываясь о «тупом народе, который свалил в одну кучу грешное с праведным». Грешным в этом контексте, надо полагать, было чуждое бетонщику барахло канализационно-водопроводного назначения, праведным – мешки с цементом и ведра с песком, а единственным представителем неведомого тупого народа, боюсь, была я сама. Впрочем, я не стала задавать сердитому Васе никаких вопросов.

– Ну, вы тут начинайте, а я туда! – скороговоркой сообщила я, змейкой ввинчиваясь в щелочку своей берлоги.

Там я сразу бухнулась на занимающий все свободное от вещей пространство диван, совмещающий назначение спальни, кухни и офисной мебели. Одной рукой я включила электрочайник, другой – компьютер и, дожидаясь, пока первый закипит, а второй запустится, вниз головой полезла под свой многофункциональный диван за печеньем – коробка с сухим пайком стояла на полу, рядом с комнатными тапками, которые были мне нынче абсолютно не нужны. Не по дивану же в них шастать!

Тут в дверь настойчиво постучали, и я все-таки обула тапочки и пошла открывать.

– Здравствуйте, хозяйка, – вежливо сказал пузатый дядя, похожий на помятый самовар. – У вас ремонт. Полы менять не надо?

– Уже меняем, – коротко ответила я.

Человек-самовар вытянул шею кривой трубой и через мое плечо заглянул в прихожую.

– Плотник начнет работу сегодня, – пояснила я.

– Хозяйка, а я дешевле сделаю! – заволновался дядька.

– Где ж вы раньше были? – я развела руками. – Я неделю искала мастеров, которые согласились бы недорого поменять полы в прихожей, а меня все посылали куда подальше! Вольным мастерам подавай евроремонт на трех этажах, а на площади в десять квадратных метров согласился работать только РЭПовский плотник!

– А в комнатах с полами ничего делать не будете?

– Будем, – твердо сказала я. – В комнатах мы полы хорошенько помоем и застелим ковролином от плинтуса до плинтуса!

– Извините, – пыхнул «самовар», отступая к лестнице.

Мне показалось, что он почему-то выглядит довольным. Пожав плечами, я вернулась к себе в нору. Пока мой тугодум-компьютер загрузился, соединился с почтовым сервером и сообщил мне о том, что на Иркин электронный адрес получено одно новое сообщение, я успела сжевать три печенья и сделать первый глоток свежесваренного чая. С чаем я, определенно, поспешила: кипяток, в котором кувырвался похожий на крошечную подушечку пакетик с заваркой, можно было употреблять только при наличии луженой глотки. Я обожглась и, как гейзер, плюнула на притулившийся в углу за диваном цветочный горшок. Получив горячий душ вместо своевременного полива, бедный кактус, наверное, не слишком хорошо обо мне подумал. Хорошо еще, что растения, в отличие от плиточников-бетонщиков, держат свое мнение о людях при себе!

– Извини, дорогой, я непременно попрошу для тебя у Ирки какую-нибудь подкормку! – виновато сказала я кактусу, шаря по всему своему организму в поисках сотового.

Черт, ну куда я его сунула?! В карманах нет, на поясе нет, на шее тоже нет... А, он же в сумке!

Переворошив все содержимое торбы, я выудила мобильник и позвонила Ирке.

– Ленка, что за беда, ты опять не вовремя! – посетовала подруга. – Я только-только начала проверять нашу компьютерную базу на предмет широты ассортимента!

– К черту широту ассортимента, одним цветочным горшком больше, одним мешком семян меньше – не суть важно! Лучше бы ты свою почту посмотрела! – я продемонстрировала полное отсутствие интереса к проблемам Иркиной и Моржиковой фирмы «Наше Семья».

– А что у меня в почте? – подруга великодушно простила мне пренебрежение к ее бизнесу.

– Набор садового инвентаря! – съязвила я. – Ну, что может быть в почте? Письмо, конечно же! Какой-то тип заинтересовался нашим объявлением о продаже Мурдава, готов встретиться и рассмотреть.

– Что рассмотреть? – Ирка явно тупела на глазах.

– Мурдава нашего рассмотреть, что же еще!

– Уже есть первый потенциальный покупатель? – оживилась Ирка. – Смотри-ка, оказывается, на Мурдавов есть спрос! А кто этот тип?

– Почем я знаю? Зовут его весьма претенциозно: Афанасий Драгонский-Суржиков.

– Д-да, выпендренное имечко! – согласилась Ирка. – Полный изврат! Не удивлюсь, если он и есть идейный вдохновитель игрушечного порно!

– Интересно, что бы ты сказала, если бы познакомилась с Аполлоном Ивановичем Синевородовым, – пробормотала я.

– С кем?!

– С идейным вдохновителем мебельного гимна. Ладно, это неважно. Этот Афанасий, как его там – уже забыла, он ждет звонка и готов встретиться безотлагательно! Ты сможешь безотлагательно? Если нет, я встречу с ним сама, ты только завези мне Мурдава, он лежит в кулке на заднем сиденье твоей машины.

– Нет, я с тобой! – Ирка сказала именно то, что мне хотелось услышать. – Чтобы я пропустила презентацию нашего Мурдава? Можно сказать, его первый выход в свет! Да нипочем! Сиди на диване, я буду через десять минут.

Разумеется, на диване я не усидела, вышла встречать Ирку в палисадник, мимоходом благословив праведные труды своего наемного рабочего.

– Продолжайте работать, я ухожу и не буду вам мешать! – сказала я Василию, вдохновенно замешивающему бетонный раствор в старой ванне. – Должен еще появиться плотник, Иван Трофимович, ну да у него свой фронт работ. Пусть Иван Трофимович все-таки возьмет ключик у соседки, а будете уходить – там же свой дубликат оставите.

– Угу, – сказал Василий, энергично ворочая лопатой.

– Бог в помощь! – добавила я, бочком протискиваясь мимо длинной ямы в прихожей.

Захлопнула дверь, вышла на улицу и в ожидании Ирки уселась на лавочку. Тут мне закономернo вспомнились другие мои посиделки на скамеечке, в компании с незнакомым мертвым дедушкой, и я решила позвонить Петеньке Белову – благо телефонизация зашла так далеко, что мобильники есть практически у всех моих знакомых.

– Петенька, здравствуй! – проворковала я в трубочку. – Это Лена. Звоню спросить тебя, как дела?

– Скорее – как тела, да? – засмеялся Белов. – Тебе, конечно, интересно узнать причину смерти Степана Андреевича Потапова.

– Это нашего вчерашнего покойника так звали? – смекнула я. – Петя, а от чего он умер?

– От паленой ханки, – ответил Белов.

Смысл сказанного открылся мне не сразу. В первый момент перед моим мысленным взором завертелась в диком танце узкоглазая красotka татарских кровей, этакая пушкинская Царь-девица в охваченных пламенем одеждах – типичная «паленая ханка». В следующую секунду пришло понимание того, что такая экзотическая личность, появившись она в нашем тихом районе, не осталась бы незамеченной.

– Как это – от паленой ханки? – спросила я Петю.

– Филолог! – совсем по-лазарчуковски вздохнул стажер. – Паленая ханка – это фальсифицированная водка. Твой старикан выдул полпузыря натуральной отравы!

– В смысле, выпил полбутылки? – влезла я с переводом.

– Я же так и сказал! Дедушка выкушал примерно двести граммулечек пойла, самой безобидной составляющей которого было битое стекло.

– А где он взял такую дрянь?!

– Хороший вопрос! – похвалил меня стажер. – Мы тоже вынуждены им задаваться. Видишь ли, этот кошмарный фальсификат был обнаружен на оптовом рынке «Медведково» в ходе дежурного рейда Центра сертификации и Общества по защите прав потребителей с полгода назад. Причем спецы обратили внимание именно на стеклянную взвесь, и только потом, уже в лаборатории, выяснилось, что в каждой конфискованной поллитровке еще половина таблицы Менделеева присутствует.

– Так эту ханку, ее изъяли из торговой сети?

– Ясное дело, тогда же и изъяли! Более того, и поставщика нашли, и даже изготовителя! И народ через «Вестник Центра Сертификации» оповестили, что напиток, заявленный на этикетках как «Водка для знатока», производства якобы Миньковского ликеро-водочного завода, употреблять как внутреннее горячительное средство можно только в случае крайне желательного самоубийства! А вот поди ж ты, Степана Андреевича Потапова, царство ему небесное, не уберегли!

– Должно быть, дедушка давно запасся этой «Водкой для знатока» и приберегал ее где-то в личных закромах до вчерашнего дня, – предположила я.

– Деда Степа, как его называют безутешные домашние, был регулярно пьющим и так долго хранить непечатую водочную бутылку мог только в одном случае: если спрятал ее так хорошо, что все полгода искал и не мог найти! – заявил Белов.

– Значит, вчера и нашел, – подытожила я. – Петюша, спасибо тебе за информацию!

– Сам не знаю, зачем я тебе все это рассказал, – проворчал Петя.

– Не уподобляйся Лазарчуку, – попросила я. – Он бука, а ты душка!

– Душка-Петрушка, – обругал сам себя Петя и положил трубку.

Я тоже спрятала мобильник в сумку – как раз вовремя: из-за угла дома к подъезду вывернула Иркина «шестерка». Не заметив меня на лавочке, подруга посигналила.

– Не гуди, я уже тут! – я подскочила к машине, распахнула дверцу и шлепнулась на сиденье, оказавшееся неожиданно очень мягким.

– Слезь с Мурдава: испортишь ему товарный вид! – строго сказала Ирка, левой рукой выворачивая руль, а правой бесцеремонно выдергивая из-под меня шуршащий пакет.

– Что ему сделается, он же мягкий! – отмахнулась я.

– Мягкий, но с твердым языком, – напомнила подруга.

Я перегнулась через сиденье и заглянула в пакет. Ирка привычно свернула Мурдава на манер садового шланга и даже перетянула получившуюся бухту скотчем. Сверху помещалась Мурдава голова с разинутой пастью, высунутым языком и выпученными белесыми глазами.

– Ты не слишком туго перетянула его скотчем? – хмыкнула я. – Он выглядит, как висельник!

– Значит, нормально выглядит, – Ирка тоже хмыкнула. – Ты не представляешь, до чего мне интересно посмотреть на придурка, который по доброй воле согласится это купить!

– Аналогично, Ватсон! – сказала я.

Наш общий интерес к личности потенциального покупателя Мурдава значительно вырос, когда выяснилось, что Афанасий Драгонский-Суржиков проживает в купеческом особнячке начала прошлого века. Ирка сочла это обстоятельство признаком высокой платежеспособности покупателя, а меня заинтриговал сам облик здания. Исторически присущий ему стиль ампира был весьма оригинально осквернен новенькими водосточными трубами из сияющей оцинковки. Водостоки причудливо извивались под крышей и сползали к тротуару широко разинутыми полнозубыми пастьми. Из пастей сочились тонкие водяные струйки, неприятно напоминающие чье-то обильное слюноотделение. Поежившись, я обошла ближайшую металлическую морду стороной, поднялась на высокое крыльцо и после некоторых колебаний придала пальцем кнопку дверного звонка, слишком натуралистично стилизованную под полупрозрачный желтый глаз с вертикальным зрачком.

– Прошу вас, милые дамы, прошу! Добро пожаловать в мою скромную обитель! – хозяин дома возник на пороге мгновенно и сразу же пригласил нас в комнаты.

Шаркая выданными хозяином домашними тапочками, милые дамы проследовали в то помещение скромной обители, которое, вероятно, выполняло функции гостиной. Там мы с Иркой присели на крутобокий диван, обитый шелком огненного цвета. Ткань была скользкой, и я, едва усевшись, чуть-чуть не скатилась на пол, да так и осталась бы там лежать, рассматривая покрытие, если бы Ирка не втащила меня обратно.

На полу лежал превосходный шерстяной ковер, рисунок которого выдавал работу отечественных мастеров. На ковре был изображен злой гений древнерусского фольклора, огнедышащий Змей Горыныч, только голов у него было почему-то не три, как в сказках, а четыре. Все они расходились от центра ковра в углы, количество которых, надо полагать, и обусловило новую трактовку образа Змея.

– Гм-гм! – выразительно кашлянула Ирка, обегая взглядом стену напротив дивана.

Я с трудом оторвалась от созерцания Змея Коврыныча и подняла голову. С наших сидячих мест открывался превосходный вид на плотные ряды живописных полотен, офортов, аква-

релей, постеров и прочих более или менее художественных произведений разной степени шедевральности, но общей тематики. Все они представляли собой изображения драконов и подобных им рептилий.

Устроена эта оригинальная выставка была бессистемно – или же мне просто не удалось постичь художественный замысел автора экспозиции. Во всяком случае, в центральной части стенда странным образом соседствовали рекламный плакат известного кинофильма «Годзилла», черно-белый японский рисунок тушью, рентгеновский снимок скелета не опознанного мною динозавра и помещенная под стекло страница романа Клиффорда Саймака «Заповедник гоблинов» – с тремя строчками незабываемого текста под великолепной иллюстрацией, изображающей дракона, по-йоговски возлежащего на зубчатой стене замка.

– Гм! – снова произнесла Ирка, нервно поерзав на диване.

Я мельком глянула на подругу и только тут заметила, что красная обивка нашего дивана заткана золотом отнюдь не бессистемно: на шелке тоже были вышиты пучеглазые крылатые змеи.

– Дамы, чувствуйте себя, как дома, я сейчас! – прокричал из кухни хозяин квартиры.

Как дома себя в этом жилище мог почувствовать разве что комодский дракон. Угадав мои мысли, Ирка выразительно покрутила пальцем у виска. Я кивнула и шепотом сказала:

– Коллекционер!

– Я и говорю: псих! – шепнула в ответ Ирка. – Похоже, мы попали не по адресу. Думаю, порнографические интересы этого парня исчерпываются научно-популярным фильмом «Брачные игры динозавров»!

Я снова кивнула, понимая, что подруга скорее всего права. Афанасий Драгонский-Суржиков заинтересовался нашим Мурдавом лишь потому, что я в объявлении обозначила его принадлежность к виду драконовых. Господин явно помешан на этих тварях!

– Надеюсь, у него нет домашних животных! – прошептала я, на всякий случай поджимая ноги.

Если мне в тапочки заберется какой-нибудь варан с тюнингом под дракончика, я могу потерять душевное равновесие и сильно наглубить практически незнакомому человеку!

– Уходим? – тихо спросила Ирка.

Я кивнула в третий раз и соскользнула с дивана, как с ледяной горки, но тут в гостиную торжественно вплыл Афанасий Драгонский-Суржиков, облаченный в красивый шелковый халат – естественно, с драконами. Китайские мотивы наряда плохо сочетались с рязанской физиономией Афанасия и его типично русским гостеприимством. В руках у хозяина дома был расписной поднос, рисунка которого я не видела под приготовленным для нас угощением, но что-то мне подсказывало, что палехские мастера украсили свое изделие картиной битвы сказочного русского богатыря со Змеем.

– Угощайтесь, пожалуйста! – любезный Афанасий опустил заставленный яствами поднос на инкрустированный столик с мозаичным изображением змееподобного бога инков Кецаль-коатля.

– Гм! – в третий раз повторила Ирка.

– Чай зеленый, китайский, ручной скрутки, сорта «Серебряный дракон», – сказал любезный господин Драгонский-Суржиков, протягивая Ирке дымящуюся чашку.

Кроме чашек, на подносе были рюмки и бутылка с плавающей в прозрачной жидкости коричневой змейкой. Я решила, что нипочем не стану пить настойку на незнакомой рептилии, и поспешно схватила творожный сырок с изображением мультяшного Дракоши.

– Вы, я вижу, фанат? – спросила я, жестом отказываясь от змеиной наливочки и кивая на драконий иконостас на стене. – Боюсь спросить, это у вас что-то личное?

– Ах, вы угадали! – Афанасий порывисто всплеснул рукавами халата, взвихрив атмосферу в комнате.

Мелодично зазвенели украшающие дверной проем подвески в виде свернутых в бараний рог хрустальных змеек с раздвоенными языками.

– Девичья фамилия моей матушки – Драгонская, – доверительно поведал Афанасий. – Улавливаете корень?

– От искаженного «драгун»? – предположила я.

– От искаженного «дракон»! – уверенно возразил Афанасий. – Я глубоко убежден, что мой давний предок, затерянный в веках основатель нашего рода, звался Драконским!

– Например, Георгий Победоносец-Драконский! – ляпнула Ирка, любуясь картинкой на палехском подносе.

– Очень может быть! – с жаром согласился Афанасий, явно не заметив насмешки. – Знаете, я заказал Дворянскому собранию проследить корни моего родового древа и надеюсь, что специалисты по генеалогии подтвердят мою версию.

– А вы тем временем уже и фамильные портреты собирать начали? – не удержавшись, связвила я, кивая на стену.

– Да, драконы – это моя слабость, – признался незлобивый Драгонский-Суржиков, с нежностью погладив резной подлокотник дивана.

Я с опозданием разглядела в темных деревянных завитушках жуткую драконью морду с выпученными глазами и высунутым языком и поспешно подвинулась ближе к Ирке.

– Слабость, – повторила она.

Я заподозрила, что ее слабит после первого же глотка драконьего чая, и подумала, что надо поскорее уносить ноги из этого музея.

– Драконы – они все такие разные, – мечтательно сказал коллекционер.

– Винторогие, перепончатокрылые, мечехвостые, – я вспомнила юмористическую классификацию драконов, данную Пристли в романе «Тридцать первое июня».

Драконолюб Суржиков посмотрел на меня с уважением.

– А что у вас? – деликатно кашлянув, спросил он. – Можно мне взглянуть на вашего змеевидного дракона?

– Вот, – Ирка, отличающаяся в последние полчаса удивительной немногословностью, вытащила из-под себя пухлый целлофановый пакет и шмякнула его на мозаичный столик.

Перехватив инициативу, я размотала скотч и потянула из кулька длинномерного Мурдава.

– Это... Э... О! – выдавил из себя Суржиков, явно не ожидавший увидеть ничего подобного.

– Авторская работа, – подтвердила я.

– Чья же? – спросил Суржиков, осторожно трогая раздвоенный двужильный кабель, заменяющий нашему Мурдаву язык.

– Моя, – с вызовом сказала Ирка.

– Ирина Иннокентьевна Максимова, – запоздало представила я подругу коллекционеру. – Очень известный и популярный автор.

В этот момент у Ирки зазвонил мобильник. Явно обрадовавшись возможности сменить собеседника, подруга выдернула трубку из кармана, поднесла ее к уху и на одном дыхании протарахтела:

– Алло, слушаю вас, говорите, кто это?

– Ирина Иннокентьевна – очень востребованный мастер, – извиняющимся тоном сказала я Суржикову.

– Ё-к-л-м-н! – матерно выругался «востребованный мастер». – Ну, ни хрена не слышу!

– Что вы хотите: богема! – шепнула я явно шокированному Суржикову. – В этих кругах ненормативная лексика – признак хорошего тона!

– Яцек, это ты, что ли? – орала популярная и востребованная богемная Ирка. – Прямо из Польши звонишь? И не жалко тебе злотых?

– Видите, в Европе очень большой интерес к работам Ирины Иннокентьевны. Вот, поляки валютой платят! – я воспользовалась возможностью набить цену нашему Мурдаву – не потому, что собиралась его продать, вовсе нет! Просто мне показалось, что коллекционер не оценил Иркин шедевр по достоинству.

– Грунт? Возьму, как обычно, сотню мешков, – Ирка, похоже, забыла о нашем с Суржиковым присутствии и погрузилась в деловой разговор на живо интересующую ее тему.

– Холсты грунтовать! – быстро вставила я, надеясь, что Ирка не упомянет синонимичное слово «почвосмесь».

– Так много холстов? – вздернул брови впечатленный Суржиков.

– Говорю же: очень востребованный мастер! – сказала я.

Ирка, которую короткая беседа с польским поставщиком почвогрунта явно привела в нормальное состояние, выключила трубку, сунула ее в карман, искала глазами и сцапала за загривок Мурдава.

– Ну, мы пошли! – бесцеремонно сообщила подруга.

– Как – пошли? Мы же еще даже не поговорили о цене на это прекрасное создание! – Драгонский-Суржиков поспешно ухватил хвост ползущего через стол Мурдава.

– Тысяча баксов! – нахально объявила я.

– И торг здесь неуместен! – веско сказала Ирка, не дав коллекционеру даже слово вставить.

– Всего доброго! – сказала я в стену – всей драконьей компании оптом.

– Счастливо оставаться! – сказала Ирка, решительно высвобождая из сведенных судорогой пальцев Суржикова Мурдавий хвост.

Не дожидаясь, пока хозяин дома «отомрет» и проводит нас в прихожую, мы покинули драконье логово, шумно сбежали по ступеням лестницы во двор, сели в машину, захлопнули дверцы и только тогда обменялись впечатлениями:

– Сколько в мире разных придурков! – воскликнула Ирка.

– Но этот конкретный придурок – не тот, который нам нужен, – с сожалением сказала я.

Мы отъехали от дома любителя драконов Афанасия Суржикова, и минут через пять Ирка вдруг сказала:

– Тысяча долларов – это ты, конечно, загнула, но баксов за триста он нашу змеюку взял бы, это точно!

– Не огорчайся, – утешила я подругу, расстроенную упущенной выгодой. – Ты всегда успеешь связать еще одного-другого монстрика. Считай, что сейчас мы просто исследуем рынок и определяем покупательский спрос на Мурдавов ручной работы.

Ирке такой деловой подход явно понравился, она перестала хмуриться и вдруг даже запела:

– Монстры бывают разные: черные, белые, красные!

Я смекнула, что она намекает на Драгонского-Суржикова с его драконьим выводком, и подхватила:

– Но всех одинаково хочется! Посмотришь – и обхохочешься!

– Или обкакаешься, извини за выражение, – добавила Ирка. – Честно говоря, мне в этом драконьем заповеднике было немного не по себе! Я, конечно, люблю животных, но избирательно.

Упоминание о любви к животным вынудило меня вспомнить о животной любви в интерпретации «Порно-Пупса», и теперь уже я сделалась молчалива и сумрачна.

* * *

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
йо-хо-хо и бутылка рому!

Плиточник Василий, выступающий в данное время в ипостаси бетонщика, был с утра хмур и неприветлив, потому что страдал от похмельного синдрома. У него сохло горло и болела голова, опухшая настолько, что в уменьшившемся пространстве черепной коробки помещались только очень короткие мысли и самые простые предложения. Лаконично матерясь, Василий размеренно и тщательно, словно миксер, смешал в ванне песок и цемент, после чего долго смотрел на дело своих рук в ложной задумчивости. Через некоторое время к нему пришло понимание того, что он что-то забыл. Еще через пару минут Василий осознал, что забыл налить в ванну воду, в отсутствие которой трудно было надеяться получить цементный раствор.

– Надо воды налить. А где ведро-то? – спросил Василий в гулкую тишину пустой квартиры.

В обозримом пространстве захлавленной кухни пустого ведра не нашлось. Морщась, потому что верчение головой причиняло ему сильное беспокойство, Василий обошел и осмотрел все доступные помещения, но ничего, похожего на искомое ведро, не обнаружил.

– Ну, и где искать-то? – Василий поднял глаза к небу, словно обращаясь за советом к высшим силам.

Высшие силы любезно сподобили его разглядеть под потолком поместительные антресоли.

– Может, там? – Василий почесал в затылке и поплелся в коридор за стремянкой.

Подъем на четыре ступеньки показался ему восхождением на Эльбрус. Покачиваясь и балансируя руками, Василий дотянулся до антресолей, распахнул дверцы и заглянул в темное нутро протяженного, как тоннель метрополитена, шкафа. Никаких ведер, тазов или лоханей в нем не было, но зато в дальнем углу поблескивала стеклянная банка. Василий натужно сморщил лоб, шевеля губами, подсчитал на пальцах, что три трехлитровые банки заменят одно девятилитровое ведро, и обнадежился. Он поудобнее прихватил обнаруженную у края шкафчика чугунную кочергу и потянулся ею к таинственно поблескивающей стеклянной емкости.

Кочерга скользнула по круглому боку банки, даже не сдвинув ее с места, и тут Василий со всей определенностью понял, что баллон отнюдь не пуст! Это открытие заставило его внимательнее всмотреться в темные недра шкафа. Напряженное таращенье глаз имело своим результатом усилившееся сердцебиение. Василия пробил нервный пот, когда он сообразил, чем может оказаться содержимое неприступного баллона!

– Спирт! – пересохшими от волнения губами прошептал плиточник-бетонщик. – Или березовый сок? Нет, спирт!

Василию было крайне трудно представить, чтобы кто-то столь бережно хранил такой ничемный напиток, как березовый сок. То ли дело – спирт! Такое добро, ясное дело, нужно прятать понадежнее!

Василий шумно сглотнул, огляделся и с отчаянным возгласом: «Эх-ма, где наша не пропадала!» схватился за край антресолей обеими руками, подтянулся, оттолкнулся ногами и головой вперед полез в шкаф, цепляясь взглядом за гипнотизирующий его баллон. Стремянка покачнулась и рухнула вниз, аккуратно сложившись.

– Это чегой-то грохнуло? – встрепелась баба Глаша, в этот самый момент открывшая дверь на лестницу.

– Должно быть, малыцы во дворе петарды рвут, – успокоил встревоженную старуху плотник Иван Трофимович, протягивая руку за ключом.

– Вот бисовы души! – беззлобно выругалась баба Глаша.

Она прислушалась, выпростав из-под цветастой косынки одно острое эльфийское ухо. Грохот не повторился. Плиточник Василий, испуганный произведенным им самим шумом, замер в шкафу, как мышка. Ему совсем не улыбалось быть застуканным на антресолях хозяйкой квартиры, самих антресолей, а также спрятанного там баллона со спиртом.

– На тебе ключ, Трофимыч, – сказала успокоившаяся бабка. – И смотри там, хорошо работай, не обижай хозяйку, она хорошая дивчина!

– Когда ж я обижал дивчин? – молодцевато подкрутив ус, плотник залихватски подмигнул бабке, вынудив ее кокетливо прикрыться углом косынки.

Улыбаясь волнующим воспоминаниям полувековой давности, баба Глаша удалилась восвояси, а Иван Трофимович выданным ему ключом открыл дверь соседней квартиры, вошел, дверь за собой аккуратно запер и положил ключ в карман. Бочком, чтобы не свалиться в устроенную собственноручно яму в коридоре, он проследовал в кухню, поставил на пол чемоданчик с инструментами и сказал:

– Непорядочек!

В кухне кто-то успел нерадиво похозяйничать: посреди помещения высилась ванна с песком. Поперек нее лежала сложенная стремянка, придающая ванне некоторое сходство с аэропланом. Иван Трофимович огляделся по сторонам в поисках затейника, играющего в летчика в открытой песочнице из сантехнического оборудования, никого поблизости не увидел, поднял стремянку и переставил ее к стенке.

Верхний край стремянки едва не задел распахнутые дверцы шкафа под потолком.

– Непорядочек! – огорченно повторил хозяйственный Иван Трофимович, покачав головой.

Он ловко растопырил стремянку, поднялся по ней, аккуратно закрыл дверцы шкафа и задвинул шпингалет.

– М-мать вашу так! – тихо промычал замурованный на антресолях плиточник Василий.

В отчаянии он сильно приложился головой о стену, но промахнулся и угодил лбом в тот самый баллон. Банка разбилась, окатив плиточника спиртом. Василий захлебнулся, вынырнул, сделал глубокий вдох и поспешно принял устами к растекающейся по антресолям луже.

– Чего это? – услышав наверху гулкий звук удара, вскинул голову Иван Трофимович.

Распластанный, как выброшенный на берег кит, Василий беззвучно лакал спирт.

Подумав, что шумят соседи сверху, плотник взял специально принесенный домкрат и полез под пол.

Сантехник Сергей быстрым шагом вошел в подъезд, остро глянул на дверь бабы Глаши и порадовался тому, что неусыпная старушка на сей раз не торчит на пороге, как мухомор. Он в мгновение ока открыл своим ключом дверь соседней квартиры и бесшумно просочился внутрь. Помня, что под стеной в коридоре дядька-плотник накануне снял пару досок, Сергей с разбегу прыгнул на середину узкой прихожей.

Домкрат, на котором Иван Трофимович только-только начал поднимать просевший пол, под тяжестью Сергея упал, и весь пласт снятых с опоры досок тяжело лег на плотника. Придавленный Иван Трофимович даже не крикнул. Близко-близко перед глазами он увидел кирпичную тумбу, машинально подумал: «А кирпич ничего, еще крепкий!», и тут в глазах у него потемнело, а дыхание прервалось, потому что к Сергею, стоявшему на его хребте, присоединился подоспевший Виталик.

– Пошли! – Виталик фамильярно стукнул Сергея по спине, ускорив его продвижение.

Сантехники сошли со спины сплющенного совокупной тяжестью досок и двух тел Ивана Трофимовича и протопали в комнату. Изнемогший плотник, чувствуя себя перетрудившимся атлантом, вздохнул и затих, копя силы.

– Я, пожалуй, к себе в офис вернусь, – поглядев на часы, сказала Ирка. – У меня новые менеджеры в торговом зале, две на редкость тупые девицы, сырой материал! Представляешь, продают семена «Бейо заден» как «Нюнемс заден» и наоборот!

– А чем один заден отличается от другого? – лениво поинтересовалась я.

– Ценой, конечно! В остальном – один хрен.

– Голландцы продают русским семена хрена?!

– И хрена тоже, – кивнула Ирка. – Причем в ассортименте, несколько разных гибридов.

– А чем голландские хрены лучше наших? – мне уже было интересно.

– Ну, они крупнее, ровнее, на вкус острее, – добросовестно подошла к ответу подруга.

– И тверже? – подсказала я, коварно улыбаясь.

Ирка глянула на меня и сердито заметила:

– Опять про порнографию думаешь!

– В свете истории с сексуальным рабством Манюни я начинаю видеть эротический подтекст буквально во всем! – пожаловалась я.

– Например, в подмигивании светофора? – предположила Ирка, останавливаясь на красный.

– Ну! А еще, посмотри направо: по Пушкинской площади колесят велосипеды, видишь?

– Ну? – повторила подруга.

– Лениво так колесят, неспешно, и один другому все время в хвост пристраивается, ты видишь? А я на это смотрю и думаю: вот брачные игры велосипедов!

– Двухколесные вступают в стадию размножения! – фыркнула Ирка. – Ждите появления порносайта «Опс! Велосипопс!».

– Это название отчетливо пахнет однополый машинной любовью! – заметила я.

– А велосипеды-то, посмотри, оба голубого цвета! – захохотала подруга.

Светофор позеленел – очевидно, от зависти к тому вниманию, которое мы уделили не ему, а голубым великам. Ирка перестала ржать, как Сивка-Бурка, стронула машину с места и совсем другим, деловым тоном спросила:

– Так куда тебя подвезти?

Я только рот открыла, и тут запел мой мобильник. Махнув рукой подруге – мол, потом поговорим! – я прижала трубку к уху.

– Добрый день! – как мне показалось, немного заискивающе произнес незнакомый мужской голос. – Я звоню по поводу вашего объявления о продаже...

– Да! – с энтузиазмом вскричала я. – Продаем и готовы с вами встретиться!

– Правда? – мужчина неподдельно обрадовался.

– Еще один клюнул на Мурдава! – шепнула я Ирке, прикрывшись ладошкой.

Подруга разволновалась и пропустила нужный поворот. Равнодушно подумав, что теперь нам придется объезжать квартал, я плотнее притиснула трубку к уху и ухватила обрывок фразы:

– ...могу посмотреть?

– Когда можно посмотреть? – повторила я. – Да хоть сейчас!

– А через час можно?

– Можно, конечно!

– Договорились!

В трубке пошли гудки.

– До чего договорились? – я отлепила трубку от уха и посмотрела на нее с немалым удивлением. – Странный мужик, он же не сказал, где мы с ним будем встречаться!

Я перевела озадаченный взгляд на подругу.

– Слушай, а ты разве указывала в объявлении свой телефон? – прищурилась Ирка.

– Вроде нет...

Я тоже прищурилась, почесала переносицу и с сожалением признала:

– Похоже, это был не наш клиент! Снова кто-то ошибся номером! Ох, как мне надоела эта ерунда с изменением телефонных номеров!

– И все-таки интересно, что он хотел посмотреть и купить? – задалась вопросом Ирка, в которой вновь забилась торговая жилка. – Может, у нас это есть, и мы действительно не прочь это продать?

– Если этот дядька перезвонит, я расспрошу его толком, – пообещала я. – Останови на углу, я придумала, куда мне надо!

– Вот образец деловой женщины, – съязвила подруга. – Она сама придумывает себе дела!

– Все, пока! Увидимся-услышимся! – отмахнулась я, выходя из машины.

Налакавшийся спирта плиточник Василий, лежа на антресолях, уже почувствовал свою близость к небесам и затих не ради конспирации, а в предвкушении неотвратимо грядущего пьяного блаженства.

– Капает! – озабоченно сказал сантехник Сергей, притормозив на пороге комнаты.

С потолка в коридоре капал спирт, разлитый на антресолях.

– Вечная беда – соседи сверху! – философски пожал плечами сантехник Виталик. – Но нам-то что? Мы свою работу сделали, а те трубы, что выше стояка, – это уже не наша проблема!

– Вот увидит хозяйка лужу на полу – и фиг ты ей докажешь, что это не наша проблема! Скажет – устраняйте течь, и придется что-то делать. А мы с тобой, между прочим, еще за выполненный объем работ всех положенных денег с нее не получили!

С этими словами рассудительный Сергей живо сбегал в кухню, взял с подоконника оставленный кем-то пластиковый стаканчик и подставил его точно под капель.

Под бодрое бульканье капающего в стаканчик спирта сантехники-кладоискатели переместились в комнату. Виталик проворно отвернул подрезанный накануне линолеум и вместе с напарником откинул тяжелую крышку люка.

– Ну, пошли в забой? – оживленный Виталик надел на голову шахтерскую каску с лампочкой и поиграл ножовкой по металлу.

– Пилите, Шура, они золотые! – пробурчал, ныряя в люк, начитанный Сергей.

Виталик полез следом за напарником, но прежде, чем скрыться под полом, поддержнул край линолеума и, точно одеялом, прикрыл сверху квадратный провал люка.

Через минуту из-под пола послышался приглушенный шум пилы.

Таня Блошкина, штукатур второго разряда, подойдя к двери, услышала этот нудный звук и сразу раздумала стучать. Шум производимых в квартире работ свидетельствовал о том, что Таня пришла не первой, кто-то из мастеров-смежников ее опередил.

– Она говорила, что будет работать плотник! – Таня напонила сама себе слова нанявшей ее квартирной хозяйки, смело толкнула дверь и вошла в квартиру.

Самого плотника нигде не было видно, но где-то под полом деловито зудела пила.

– Да, полы тут те еще! – критически хмыкнула Таня, обходя длинную яму в прихожей.

По качающимся доскам и по спине несчастного Ивана Трофимовича она неспешно прошла в комнату, положила под стеночкой принесенную с собой сумку и достала из нее аккуратно уложенную поверх инструментов спецодежду – старый медицинский халат, на котором были почти незаметны пятна шпаклевки и белой водоэмульсионной краски.

Демонстрируя отточенность и экономность движений, женщина неторопливо переоделась.

К сожалению, насладиться этим несуетным стриптизом в исполнении сорокалетней дамы с телосложением коlobка в данный конкретный момент было некому. Слаженный дуэт сантехников вдохновенно исполнял фугу на пиле под полом комнаты, а расплющенный плотник тихо оплакивал свою неудавшуюся жизнь под гнетом досок в прихожей. Пьяный плиточник Василий, глубоко вдыхая спиртовые пары, сладко, но без храпа спал на антресолях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.